

Св. Троица

Добродетель.

Из книги: «Древний Патерик».

Святые отцы скитские пророчествовали и о последнем роде, говоря: что сделали мы? На это отвечал один из них великой жизни авва, по имени Сирион: мы сохранили заповеди Божии. Его спросили: а что сделают люди, которые будут жить после нашего дела. Авва отвечал: Они сделают половину нашего дела. Его спросили еще: а которые будут жить после них, те что сделают? Они совсем ничего не сделают. Придут на них искушения, и те, которые в то время окажутся добрыми, будут больше нас и отцев наших.

Воскресение. XIX в.

5. Никто не устоитъ предъ тобою во всѣ дни жизни твоей; и какъ Я былъ съ Моисеемъ, такъ буду и съ тобою: не отступлю отъ тебя и не оставлю тебя.

6. Будь твердъ и мужественъ; ибо ты народу сему передашь во владѣніе землю, которую Я клялся отцамъ ихъ дать имъ;

7. только будь твердъ и очень мужественъ, и тщательно храни и исполняй весь законъ, который за-вѣщалъ тебѣ Моисей, рабъ Мой; не уклоняйся отъ него ни на-право ни на-лѣво, дабы поступать благо-разумно во всѣхъ предпріятіяхъ твоихъ.

8. Да не отходить сія книга за-кона отъ устъ твоихъ: но посучайся въ ней день и ночь, дабы въ точности исполнять все, что въ ней написано: тогда ты будешь успѣ-шенъ въ путяхъ твоихъ и будешь поступать благоразумно.

9. Вотъ Я повелѣваю тебѣ: будь твердъ и мужественъ, не страшись и не ужасайся; ибо съ тобою Гос-подь Богъ твой вездѣ, куда ни пойдешь.

Во имя Отца и Сына и Святаго
Духа!

ДОБРОДЕТЕЛЬ

*„Материал из книги: „Сокровищница
духовной мудрости.“ т. стр. 58 ÷ 171.)*

Видов премудрости четыре: мудрость, т. е. знание того, что должно делать и чего не должно, и бдительность ума; целомудрие, т. е. чтобы ум был цел и мог удерживать себя вне всякого дела, слова и помышления, неугодного Богу; мужество, т. е. крепость и терпение в трудах по Богу и в искушениях; правда, т. е. распределение, отдающее каждой из сих (добродетелей) поровну. Эти четыре главные добродетели рождаются от трех душевных сил таким образом: от разумной части, т. е. ума, — две: мудрость и правда, т. е. рассудительность; от вожделевательной — целомудрие; от раздражительной — мужество. Каждая из них находится между двух страстей (сущих) вне естества. Мудрость — выше чрезмерного мудрования и ниже неразумия. Целомудрие — выше окаменения (сердца) и ниже невоздержанности. Мужество — выше дерзости и ниже боязливости. Правда — выше недостаточности и ниже излишества. И эти четыре суть образ небесного, а те восемь — земного (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 48).

Ничто так не препятствует к приобретению добродетелей, как суетные заботы и рассеянность, хотя бы и очень малая (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150).

Ничто столько не помогает к приобретению добродетели, как уединение и сетование (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 150—151).

Должны мы делом научиться добродетелям, чтобы привычкою к ним сохранялась память о благе, а не словом только, *не в словеси бо*, говорит Апостол, *Царствие Божие*, но в силе (ср.: 1 Кор. 4, 20). Кто ищет делом, тот знает потерю и приобретение в деле, которое он проходит, говорит святой Исаак, и такой может дать и другим совет, как много раз пострадавший и познавший на опыте (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 185).

<Исчисление добродетелей>: мудрость, целомудрие, мужество, праведность, вера, надежда, любовь, страх, благочестие, ведение, совет, крепость, разум, премудрость, сокрушение, плач, кротость, исследование Божественных Писаний, милостыня, чистота сердца, мир, терпение, воздержание, постоянство (твердое выдерживание), благое произволение, решимость, чувство, прилежание, утверждение себя в Боге, горячность, бодрость, теплота духа, поучение, старание, трезвенность, памятование, собранность мыслей, благоговение, стыд, стыдливость, раскаяние, удаление от злого, покаяние, обращение к Богу, сочетание со Христом, отречение от диавола, соблюдение заповедей, хранение души, чистота совести, память о смерти, болезнование душою, делание добра, труд, злострадание, пребывание в суровом, пост, бдение, алкание, жажда, довольство малым, неутруждение других, соблюдение порядка, благоприличие, почтительность, нехвастливость, презрение имений, несребролюбие, отвержение житейского, подчинение, повиновение, благопокорливость, нищета, нестяжание, удаление от мира, отсечение хотений, отречение от себя самого, советование, великодушие, упразднение по Богу, безмолвие, обучение, лежание на голой земле, неумение, предстояние, подвиг, внимание, сухоядение, нагота, изнурение тела, уединение, жизнь в пустыне, тихость, благодушие, смелость, благое дерзновение, божественная ревность, горение, преуспеяние, юродство ради Христа,

хранение ума, устройство нравственности, преподобие, девство, освящение, чистота тела, очищение души, чтение ради Христа, попечение о Божественном, познание... истинность, нелюбопытство, неосуждение, прощение долгов, управление, искусство (в обхождении), остроумие (в добре), уступчивость, правильное употребление вещей, понимание, быстрота ума (в добром), опытность, псалмопение, молитва, благодарение, исповедание, мольба, коленопреклонение, призывание, моление, прошение, ходатайство, песнопение, славословие, сознание, попечение, сетование, скорбение, печаль (по Богу), сожаление, рыдание, стенание, оплакивание, прискорбные слезы, умиление, молчание, взывание Бога, плачевный вопль, беспопечение о всем, незлобие, нетщеславие, неславолюбие, простота души, сострадание, нелюбовь к выказыванию себя, благонравие, дела по естеству, дела превыше естества, братолюбие, единомыслие, общение о Боге, приятность, духовное устройство, тихость, прямота, незлобие, сговорчивость, неподдельность, простота, приветливость, благое беседование, благое делание, предпочтение ближнего, привязанность о Боге, добродетельный навык, непрерывное прилежание, укоренение (в добродетели), благоразумие, смирение, беспристрастие, щедрость, терпение, долготерпение, благодать, доброта, рассуждение, удободоступность, обходительность, несмущение, ведение (духовное), наставление, твердое укрепление, прозрение, бесстрастие, духовная радость, твердое стояние, слезы разума, душевная слеза, Божественное желание, сострадание, милосердие, человеколюбие, чистота души, чистота ума, прозорливость, чистая молитва, неплененный помысл, твердость, укрепление души и тела, просвещение, восстановление души, ненавидение жизни, должное учение, благое желание смерти, младенчество во Христе, утверждение (ближнего), поучение (его), и увещание соразмерное и понудительное, похвальное изменение, восторг о Боге, совершенство во Христе, неложное просияние, Божественная любовь, восхищение ума, Божие вселение, боголюбие, внутреннее любомудрие, богословие, исповедничество, презрение смерти, святыня, исправление, совершенное здравие души, доброта

ее, похвала от Бога, благодать, царство, сыноположение, и чрез все двести двадцать восемь вместе (см.: Пс. 81) усыновление, т. е. бытие человеку богом, благодатию Даровавшего нам победу над страстями... (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 217—220).

...Телесные добродетели, или скорее орудия добродетелей, нужны, когда кто-либо со смирением и духовным познанием их проходит, ибо без этого не совершаются и душевные добродетели; если же не так, но сами по себе — то они не приносят никакой пользы, как растения без плодов (сщмч. Петр Дамаскин, 74, 520—521).

...Каким образом одно только простое название (добродетелей) может возвысить персть и вещественное сделать невещественным? Наименование иных вещей постигает и внешняя ученость, основываясь на производстве слов, а опытное познание добродетелей и приобретение их требуют помощи Божией и снискиваются многим трудом и временем; особенно в душевных добродетелях, потому что они наиболее сокровенны и суть собственно добродетели. Телесные добродетели, или, точнее, орудия добродетелей, легче, хотя и требуют трудов телесных, а душевные, хотя требуют только мысленного внимания, но не легко приобретаются (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 18).

...Как солнце, переходя ежедневно от востока к западу, совершает один день, и без него бывает ночь, так и каждая добродетель, которую исполняет человек, просвещает его душу, и без нее бывает страсть и тьма, пока он снова не приобретет добродетели, и так приходит свет (сщмч. Петр Дамаскин, 75, 82).

...Для добродетели нужно только то, чтобы мы ее захотели, так как она в нас есть и из нас образуется. Ибо коль скоро душа разумная находится в естественном своем чине, то в то же время в нас есть и добродетель. (Душа) находится в естественном своем чине, когда пребывает такою, какою сотворена: сотворена же она весьма доброю и правою... Правою же душа бывает, когда разумность ее находится в естественном своем чине. Когда же она уклоняется инуды и низвращает чин, требуемый естеством, тогда это называется злом в душе. Итак, не затруднительное это дело (добродетели), ибо если мы пребываем так, как созданы, то находимся в добродетельном состоянии, а если замыслим худое, то нас справедливо называют злыми. Если бы совне надлежало заимствовать сие дело (добродетели), то, конечно, оно было бы затруднительно; но если она в нас есть, то будем только хранить себя от худых помыслов, и соблюдать душу свою Господу, как принятый от Него залог, чтоб Он признал ее творением Своим, увидев, что она такова, какою Он ее создал (прп. Антоний Великий, 89, 20).

Воздержание, незлобие, целомудрие, твердость, терпение и подобные им великие добродетели, как бы силы (ратные), получили мы от Бога, чтоб они сопротивлялись и противостояли встречающимся с нами прискорбностям и помогали нам во время их: так что если мы будем упражнять сии силы и иметь их всегда наготове, то ничто из случаемого с нами не будет для нас тягостно, или болезненно, или губельно и несносно, ибо все то будет преодолеваемо сущими в нас добродетелями (прп. Антоний Великий, 89, 63—64).

Не должно говорить, что невозможно человеку проводить добродетельную жизнь, но что это не легко. И точно, не для всякого без различия удободостижимо это, но только те из людей приобщаются добродетельной жизни,

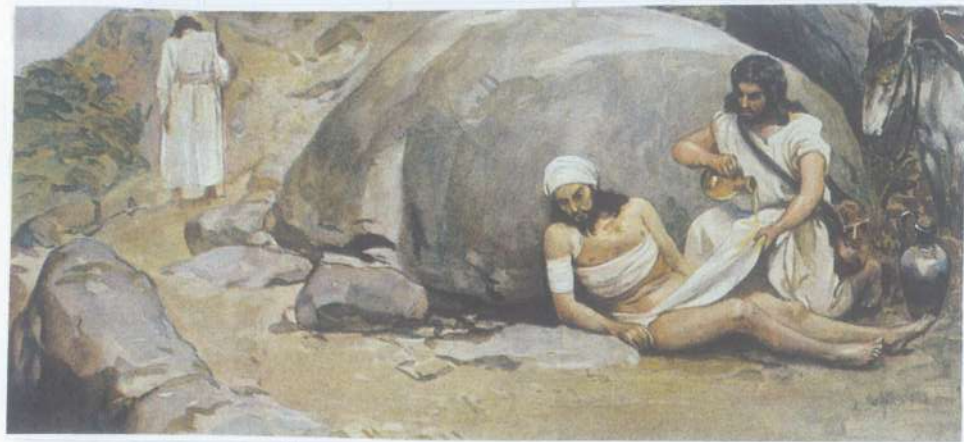
которые благочестивы и имеют боголюбивый ум. Общий (обыкновенный) ум есть ум мирской и превратный; он дает помышления добрые и худые, изменчив и склонен к вещественному, а ум боголюбивый есть казнитель зла, которое бывает в людях от произвольной их беспечности (прп. Антоний Великий, 89, 64).

...Как странники заблуждаются на дорогах (и гибнут), так погибают непекущиеся о добродетельной жизни, будучи увлекаемы пожеланиями (прп. Антоний Великий, 89, 65).

Как кормчие осмотрительно направляют корабль вперед, чтобы не наткнуться на подводный камень, или скалу какую, так и ревнующие о добродетельной жизни пусть тщательно рассматривают, что им должно делать и чего убегать, полезным для себя почитая только то, что внушают истинные и Божественные законы, отсекая от души лукавые помышления (прп. Антоний Великий, 89, 66).

Стремящиеся к добродетельной и боголюбивой жизни, ревнуют о добродетелях душевных как о таком стяжании, которое составляет неотъемлемую их собственность и вечное утешение. Привременным же пользуются они лишь столько, сколько нужно и как дает и хочет Бог, употребляя его с веселием и всяким благодарением, хотя бы то было и очень умеренно. Ибо богатый столь питает тела, как вещественные, а познание Бога, воздержание, благость, благотворение, благочестие и кротость — обожают душу (прп. Антоний Великий, 89, 69).

Людям, не имеющим природных к добру расположений, не следует в отчаянии о себе, опустив руки, небреж о боголюбивой и добродетельной жизни, как бы она ни

Добрый самаритин.

была недоступна и недостижима для них, но должно и им подумать и посильное приложить попечение о себе. Ибо хотя и не возмогут они достигнуть верха добродетели и совершенства, но всячески думая о себе и заботясь, они или сделаются лучшими, или, по крайней мере, не станут худшими — и это не малая польза для души (прп. Антоний Великий, 89, 70—71).

Одно только душевное стяжание безопасно и некрадомо; есть же оно — добродетельная и богоугодная жизнь, ведение и творение добрых дел (прп. Антоний Великий, 89, 76).

Душевные добродетели делают нас достойными вечных благ, а самопроизвольные грехи человеческие суть причина вечных мучений (прп. Антоний Великий, 89, 78).

...Все добродетели... очень спасительны и крайне нужны тем, кои ищут Бога и кои пламенеют сильным желанием приблизиться к Нему. Но мы видели, что многие измождали свои тела чрезмерным пощением, бдениями,

удалением в пустыню, усердно также ревновали о трудах, любили нищету, презирали мирские удобства, до того, что не оставляли себе столько, сколько нужно на один день, но все, что имели, раздавали бедным и однакож бывало, что, после всего этого, они склонялись на зло и падали, и, лишившись плода всех оных добродетелей, делались достойными осуждения. Причина этому не другая какая, как то, что они не имели добродетели рассуждения и благоразумия, и не могли пользоваться ее пособием. Ибо она-то и есть та добродетель, которая учит и настраивает человека идти прямым путем, не уклоняясь на распутья. Если мы будем идти царским путем, то никогда не будем увлечены наветниками нашими, — ни справа, к чрезмерному воздержанию, — ни слева, к нерадению, беспечности и разленению (прп. Антоний Великий, 89, 122).

Три добродетели, с трудом приобретаемые человеком, сохраняют все прочие: сокрушение сердца, плач о грехах своих и непрестанное размышление о смерти (прп. авва Исаия, 59, 51).

...Страх Божий есть корень всех добродетелей (прп. авва Исаия, 59, 116).

На пути добродетелей есть падения, есть враги, есть изменение, есть изобилие, есть умеренность, есть бесплодие, есть печаль, есть радость, есть болезнование сердечное, есть утеснение, есть покой, есть преуспеяние, есть понуждение (прп. авва Исаия, 59, 145).

Четыре есть добродетели, которые чистою делают душу: молчание, соблюдение заповедей, теснота (стеснение себя во всем, чтоб был тесный путь) и смиренномудрие (прп. авва Исаия, 89, 318).

Четыре добродетели, как стеною, ограждают душу и дают ей покойно вздохнуть от тревог со стороны врагов: милость, безгневие, долготерпение и извержение всякого находящего семени греха; противостояние же забвению сохраняет их все (прп. авва Исаия, 89, 318).

Орудия добродетелей — суть телесные труды с разумом (прп. авва Исаия, 89, 349).

...Попраание совести исторгает добродетели из сердца (прп. авва Исаия, 89, 350).

Уступление своей воли ближнему означает, что ум имеет в виду добродетели... (прп. авва Исаия, 89, 350).

...Добродетелям... всем одна мать, которая называется страхом Божиим... (прп. авва Исаия, 89, 371).

...Как земледелие изменяет качество растений, так почительность души о добродетели может одержать верх над всякими недугами (свт. Василий Великий, 5, 79).

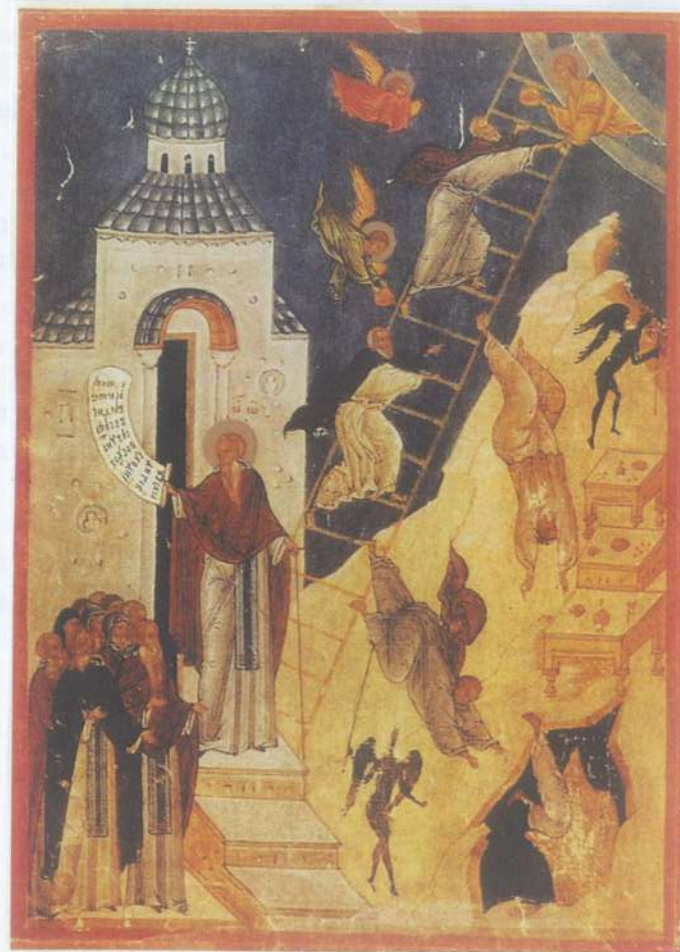
...В нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет сродство не по человеческому научению, но по самой природе (свт. Василий Великий, 5, 143).

...Премудро и благоискусно, приводя нас к добродетели, Псалмопевец удаление от греха положил началом добрых

дел (см.: Пс. 36, 27). А если бы он вдруг потребовал от тебя совершенства, то, может быть, ты и замедлил бы приступить к делу. Теперь же приучает тебя к более удобоприсутному, чтобы ты смелее взялся за прочее. И я сказал бы, что упражнение в добродетели уподобляется лестнице... которую видел некогда блаженный Иаков, которой одна часть была близка к земле и касалась ее, а другая простиралась даже выше самого неба. Посему вступающие в добродетельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первых ступенях, и с них непрестанно восходить выше и выше, пока, наконец, через постепенное преуспеяние, не взойдут на возможную для человеческого естества высоту. Посему, как первоначальное восхождение по лестнице есть удаление от земли, так и в жизни по Богу удаление от зла есть начало преспеяния (свт. Василий Великий, 5, 161).

Трудившиеся над исследованием учения о добродетели говорили, что одни добродетели состояются из умозрений, а другие неумозрительны: так благоразумие составляется из умозрений при рассуждении о добре и зле; целомудрие — из умозрений о том, что должно избирать и чего избегать; справедливость — из умозрений об усвоемом и неусвоемом; мужество — из умозрений о страшном и нестрашном. Но красота и крепость суть добродетели неумозрительные, следующие за теми, которые из умозрения; ибо некоторые из мудрых красоту находили в соразмерности и стройности душевных умозрений, а крепость усматривали в окончательном произведении положенного в нас добродетелями умозрительными. Впрочем, чтобы в душе были красота и сила производить должное, для сего имеем мы нужду в Божией благодати (свт. Василий Великий, 5, 221—222).

...Добродетель есть какая-то середина и соразмерность, а излишек или недостаток, в ту или другую сторону вы-

*Видение прп. Иоанна
Лествничника.
Миниатюра
из Лествицы.
Начало XVI в. РГБ.*

ступающий из пределов добродетели, есть уже неумеренность и безобразие. Так, мужество есть середина, излишек его — дерзость, а недостаток его — робость (свт. Василий Великий, 6, 199).

Добродетель происходит от произволения, а не от необходимости (свт. Василий Великий, 8, 135).

...<Добродетель> принадлежит человеку и при жизни, и по смерти (свт. Василий Великий, 8, 301).

Употреби старание успевать в важнейших добродетелях и не вознерадеть о меньших (свт. Василий Великий, 9, 43).

Будь верною сокровищницею добродетелей, а ключом имей язык духовного твоего отца (свт. Василий Великий, 9, 47).

Преуспевай в добродетелях, чтобы стать ближе к Ангелам (свт. Василий Великий, 9, 51).

<Добродетель> — это употребление Божиих даров с доброю совестью, по заповеди Господней (свт. Василий Великий, 9, 83).

Если бы мы находились вне тела, то необходимо было бы стремиться к совершеннейшему одной душой. Но поелику человек двояк, то и упражнение в добродетели должно быть двоякое, состоящее и в телесных трудах и в душевных подвигах (свт. Василий Великий, 9, 336).

...В совершении добродетели должно соединиться... и человеческое усердие, и помощь, по вере приходящая свыше (свт. Василий Великий, 9, 355).

...Приобретение добродетели и обогащение добрыми де-

лами есть любостяжание похвальное, хищение, не доводящее до слез, ненасытность, достойная венца; и виновен тот, кто не делает таких насилий (свт. Василий Великий, 9, 360).

Упражнение в добродетели — драгоценное достояние для того, кто имеет, и самое приятное зрелище для того, кто видит (свт. Василий Великий, 11, 238).

Должно приобрести страх Господень и в высшей степени целомудрие, от которых рождаются любовь, радость, мир, послушание, великодушие, воздержание, терпение и все, что прилично христианам (прп. Ефрем Сирин, 30, 150).

Вера рождает чистоту, смиренномудрие, послушание, долготерпение и воздержание; покаяние же — слезы, а любовь — терпение и надежду (прп. Ефрем Сирин, 30, 181).

Человек деятельный — розга Христова. Как виноградная кисть, лежащая на земле, делается негодною, так и рассудок, развлекаемый земным, не способен к добродетели (прп. Ефрем Сирин, 30, 194).

...Украсим же ее <душу> постом, молитвами, бдениями и слезами, чтоб душа обрела несколько дерзновения пред престолом Страшного Судии... (прп. Ефрем Сирин, 31, 94).

Как идущий со светильником светит тем, которые вместе с ним, так светит и добродетель, которая всегда носит с собою славу (прп. Ефрем Сирин, 31, 117).

Храни чистоту тела своего. Любовь есть мать добродетелей, а чистота — светильник и опора. Светильник также для них безмолвие, и стена для них страх Господень (прп. Ефрем Сирин, 31, 296).

Когда стараешься научиться добродетели, тогда представляй скудость ума своего (прп. Ефрем Сирин, 31, 628).

Оградись от того, что противоположно добродетелям, потому что утомляющегося покаянием сопровождает неразумие. Если ты постишься, <но> безумно смеешься, то легко тебя запнуть. Если на молитве плачешь, а в обществе ведешь себя по-мирскому, то скоро уловят тебя в сети. Если при целомудренном поведении ты беспечен, то не уметишь пасть (прп. Ефрем Сирин, 32, 183—184).

Главное же во всяком добром рвении и верх добрых дел есть постоянное пребывание в молитве, которую чрез испрашивание у Бога можем ежедневно приобретать и прочие добродетели, потому что у Единого Бога благодать (прп. Ефрем Сирин, 32, 341).

...О душевных добродетелях утверждаем, что главным образом четыре родовые добродетели, а именно: мужество, благоразумие, целомудрие и справедливость; от них же рождаются следующие душевные добродетели: вера, на-

дежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, терпение, доброта, негневливость, боговедение, нераздражительность, простота, невозмущаемость, нелицемерие, правдолюбие, свобода, отвращение от осуждения, от тщеславия, от кичения, от гордости, от зависти, от коварства и от сребролюбия, сострадательность, милосердие, щедрость, почтительность, благоговение, влечение к будущим бессмертным благам, желание Царства Божия, возжеление всыновления (прп. Ефрем Сирин, 32, 385—386).

Телесные же добродетели, о которых вернее можно сказать, что они ведением по Богу обращаются в орудия добродетелей и, если чужды всякого лицемерия и человекоугодия, возводят человека к преспеянию в смирении и бесстрастии, суть следующие: воздержание, пост, голод, жажда, бдение, всенощное стояние... сухоядение, позднее и то в малом количестве вкушение пищи, питье одной воды, возлежание на голой земле, нищета, нестяжательность, изможденность, небрежность в одежде, несамолюбимость, уединение, безмолвие... скудость, довольство малым, молчаливость, собственноручное упражнение в рукоделии, всякое злострадание и всякий телесный подвиг. Все сие, когда тело здорово, и тревожат его плотские страсти, весьма нужно и полезно, а когда оно немощно, и при помощи Божией преодолело в себе страсти, не столько необходимо, потому что все восполняют святое смирение и благодарение (прп. Ефрем Сирин, 32, 386).

...Когда ум опускает из вида благочестивую цель, тогда и добродетельный по видимости поступок не заслуживает похвалы, потому что сделанное без рассуждения и ненамеренно, хотя будет и хорошо, не только не приносит никакой пользы, но еще вредит, между тем как противное сему происходит от того, что, по-видимому, противо-

положно, но сделано с благочестивым намерением и по Богу, например, если кто взойдет в непотребный дом и извлечет из погибели блудницу. Посему не будет назван в собственном смысле милостивым или воздержным, кто однажды или несколько раз подал милостыню или был воздержан; назван же будет тот, кто, как сказано, большею частью и всю жизнь свою всецело, с рассудительностью, непреткновенно упражняется в добродетели, потому что рассудительность выше всех добродетелей, как некая царица и добродетель добродетелей. А подобным образом и в рассуждении противоположного не называем вдруг блудником, пьяницей или лжецом, кто однажды поползнул в каждый из сих пороков; называем же того, кто многократно впадал в таковые пороки и остается неисправимым (прп. Ефрем Сирин, 32, 393).

В подлинном смысле блажен, как благоразумный и самый добросовестный купец, кто ищет добродетели, ходит за ней, и рачительно разведывает, что такое добродетель, чтобы чрез нее приблизиться к Богу и мысленно сопребывать с Ним; ибо вот в собственном смысле благоразумие, мужество, мудрость, неложное знание, неотъемлемое богатство — деятельною добродетелью возводиться к созерцанию Сотворшего. Добродетель (*ἀρετή*) заимствует сие наименование от слова *избирать* (*αἵρεσθαι*), потому что добродетель произвольна, и добро делаем мы по собственному избранию и произволу, а не против воли и принужденно (прп. Ефрем Сирин, 32, 394).

Так все делай и так обо всем думай, чтобы угодить Богу, ибо если нет у тебя этой мысли, то теряет цену всякое твое делание (прп. Ефрем Сирин, 90, 478).

Стяжание добродетели — дело редкое и трудное, хотя

бы многое к ней влекло и побуждало (свт. Григорий Богослов, 12, 24).

Не легко найти превосходнейшую из добродетелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно как и на лугу многоцветном и благовонном не вдруг можно выбрать прекраснейший и благовоннейший из цветов, когда то тот, то другой привлекает к себе обоняние и взор, и прежде всех заставляет сорвать себя (свт. Григорий Богослов, 13, 2).

Кто упражняется в добре из каких-нибудь видов, тот не тверд в добродетели, ибо цель минует, и он оставит доброе дело, подобно как плывущий для прибыли не продолжает плавания, если не видит прибыли. Но кто чтит и любит добро ради добра, тот, поскольку любит нечто постоянное, и расположение к добру имеет постоянное, так что, ощущая в себе нечто свойственное Богу, может сказать о себе сказанное самим Богом: *Я один и тот же, и не изменяюся* (ср.: Мал. 3, 6). А потому он не будет превращаться, принимать разные виды, соображаться с обстоятельствами и делами, делаться то тем, то инаковым, менять разные цвета, подобно как полип принимает цвет камня, к которому он пристал; но всегда пребывает один и тот же — непоколебимым среди колебаний, несовратим среди превратностей, и, как представляю себе, это скала, которая, при ударах ветров и волн, стоит незыблемо, и сокрушает приражающееся к ней (свт. Григорий Богослов, 14, 209).

Что сделано доброго по естественному влечению, то не заслуживает одобрения, а что сделано по свободному произволению, то похвально. Какая честь огню, что он жжет? Жечь — природное его свойство. Или воде, что течет вниз? Это свойство дано ей от Творца. Какая честь снегу,

что он холоден? Солнцу, что оно светит? Оно светит и поневоле. Покажи мне, что желаешь добра. А сие покажешь, если, будучи плотским, сделаешься духовным; если увлекаемый долу тяжестью плоти, окрылишься умом; если ты, рожденный низким, окажешься небесным, если ты, связанный плотью, явишься выше плоти (свт. Григорий Богослов, 14, 227).

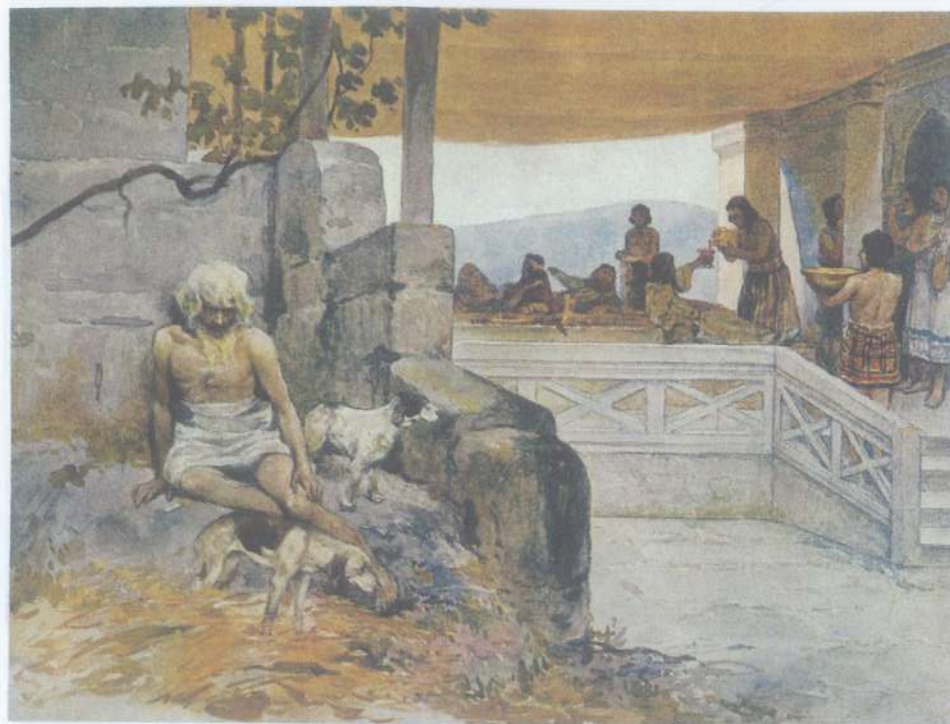
...Добродетель должна быть бескорыстна, если хочет быть такою добродетелью, у которой в виду одно добро (свт. Григорий Богослов, 15, 36).

Добродетель — не дар только Великого Бога, почтившего Свой образ, потому что нужно и твое стремление. Она не произведение твоего только сердца, потому что потребна превосходнейшая сила. Хотя и очень остро мое зрение, однако же видит зримые предметы не само собою и не без великого светила, которое освещает мои глаза и само видимо для глаз. И к преуспеянию моему нужны две доли от Великого Бога, именно — первая и последняя, а также одна доля и от меня. Бог сотворил меня восприимчивым к добру, Бог подает мне и силу, а в середине я — текущий на поприще. Я не очень легок на ногу, но не без надежды на награду напрягаю свои мышцы в беге, потому что Христос — мое дыхание, моя сила, мое чудное богатство. Он соделывает меня и зорким, и доброшественным. А без Него все мы — смертные игралища суеты, живые мертвецы, смердящие грехами. Ты не видывал, чтобы птица летала, где нет воздуха, чтобы дельфин плавал, где нет воды, так и человек без Христа не заносит вверх ноги (свт. Григорий Богослов, 15, 255).

...Как порок ослабляется страхом, так добродетель — завистью (свт. Григорий Богослов, 15, 296).

Окрыляемый учением, не летай без действительных крыльев, потому что без крыльев и птица не летает (свт. Григорий Богослов, 15, 364).

Добродетель всегда окружена бедствиями, как роза ненавистными и колючими шипами. Помня сие, и ты с лучшими надеждами блюди свою жизнь для Христа Царя в совершенной непорочности, и не позволяй вводить тебя в обман нужде, которая всего скорее покоряет себе даже мудрых мужей (свт. Григорий Богослов, 16, 86).

Богом и Лазарь.

Поелику награда добродетели — стать богом, озариться чистейшим светом, созерцаемым в Троичной Единице, от Которой имеем теперь едва несколько лучей; то к сему шествуй, в сем преуспевай, окрыляйся мыслию, емлись за вечную жизнь. Ни на чем не останавливай своих надежд, пока не достигнешь возделенной и блаженной вершины (свт. Григорий Богослов, 17, 235).

...Человеческая природа сама по себе не может показать совершенной красоты добродетелей и духовного благолепия святых, если не будет ей содействовать Божия рука (прп. Макарий Египетский, 66, 432).

...Все добродетели между собою связаны, как звенья в духовной цепи, одна от другой зависят... (прп. Макарий Египетский, 67, 268).

О добродетели же дознаем мы от Апостола, что у нее один предел совершенства — не иметь самого предела (свт. Григорий Нисский, 18, 225).

...Действительно преуспевающим в добродетели оказывается от Бога данное естеству нашему вспоможение, которое по первоначальному бытию предваряет, но является и познается тогда уже, как при внимательности и попечительности достаточно освоившись с высшим житием, приуготовимся к труднейшим подвигам (свт. Григорий Нисский, 18, 271—272).

...Тот, кто приобрел... непреборимый жезл добродетели — жезл, уничтожающий жезлы ухищренные, неким

путем и последовательно восходит к большим чудесам. Чудотворение же не с целью изумить слышащих совершается, но имеет в виду пользу спасаемых, потому что чудесами добродетели истребляется враждебное для них, и умножается им соплеменное (свт. Григорий Нисский, 18, 278).

...Не заповедью только должна измеряться добродетель, но нужно, чтобы и нами было нечто изобретаемо из примышляемого отвне... как и поступал Павел, от себя соплетавший прекрасные ометы к заповедям. Хотя закон повелевает *служащим олтарю с олтарем делиться* (ср.: 1 Кор. 9, 13), не запрещает *сестру жену водить* (1 Кор. 9, 5), и *проповедующим благовестие, от благовестия жити* (1 Кор. 9, 14); <апостол> Павел проповедует Евангелие даром, терпя и жажду, и голод, и наготу. Вот те прекрасные ометы, которые прибавлением своим к заповедям украшают хитон (свт. Григорий Нисский, 18, 330).

...Добродетели надлежит быть свободною от всякого страха, не по жестокому над собою владычеству, но по добровольному рассуждению избирать доброе; а главное во всяком добре — состоять под животворною властью (свт. Григорий Нисский, 18, 423).

...Для не вкусивших еще чистого и божественного удовольствия необходимо надобно придумать нечто такое, почему были бы приняты и уроки добродетели, будучи услаждены чем-либо увлекающим чувством. Так обычно поступать и врачам, когда какой-либо горький и противный вкусу целительный состав делают они непротивным для больных, приправив сладостью меда (свт. Григорий Нисский, 19, 7).

...Конец добродетели: мир, упокоение и вселение единоеобразное, не имеющее ничего общего со страстями, преуспевающее в уповании на общение с Богом (свт. Григорий Нисский, 19, 18).

Вкусивший уже добродетели и собственным опытом уразумевший свойство добра, бывает таков не потому, что какою-то необходимостью и по вразумлениям другим отвлекается от пристрастия к пороку и обращает взор к добродетели, но потому, что паче всего жаждет лучшего, ибо непреодолимое и сильное желание Псалмопевец уподобляет жажде, приискав между животными породу наиболее чувствительную к жажде, чтобы сила пожелания наипаче выразилась примером животного, чрезмерно жаждущего. И животное сие называет *еленем* (Пс. 41, 2), естество которого утучняется тем, что употребляет в пищу ядовитых зверей. А как соки сих зверей горячи и воспалительны, то елень, наевшись и отравившись их соком, по необходимости чувствует в себе сухость. И потому с большею жадностью желает воды, чтобы уврачевать происходящую от такой пищи сухость. Посему, кто по первой части псалмопения предначал добродетельную жизнь, вкушением познал сладость вожделенного, истребил в себе всякий пресмыкающийся вид похотения и вместо зверей зубами целомудрия пожирает страсти, тот общения с Богом возжаждет паче или столько же, как и *елень желает на источники водныя* (Пс. 41, 2). А достигшему источника после чрезмерной жажды естественно столько поглотить воды, сколько станет пожелания и сил вместить. Но кто принял в себя желаемое, тот полон того, чего желал, потому что соделавшееся полным не пустеет снова, подобно полноте в теле, и питание не остается недейственным само в себе, а, напротив того, Божественный Источник, в ком бы он ни был, в Себя претворяет к Нему прикоснувшегося и сообщает тому собственную Свою силу (свт. Григорий Нисский, 19, 22—23).

...Для приступающего по обращении снова к добру, если жизнь его была изъязвлена тысячами прегрешений, скопление злых дел кажется подобным тысяче лет, но как скоро он обратился, Бог ни во что ему не вменяет сего, потому что Божие око взирает всегда на настоящее, не вменяет же прошедшего; напротив того, признается сие у Бога за один день или за часть ночи, которые прошли и миновались (свт. Григорий Нисский, 19, 32).

...Разнообразная и многовидная попечительность о добродетелях делается многомошною, доставляет спасение преуспевающему (свт. Григорий Нисский, 19, 38).

Спас на убрусе. Палех

Для добродетели главное — Божия помощь, которой сподобляется своею жизнью присвоивший себе Божию милость (свт. Григорий Нисский, 19, 160).

...Поелику всякая греховная скверна зловонна, а, напротив того, добродетель есть Христова благоухание, исполненное же любви сношение с любимым естественно производит срастворение, то к чему привержены мы любовью, тем и делаемся, или благоуханием Христовым, или зловонием (свт. Григорий Нисский, 19, 341).

...Одно только утвердившееся в нас речение о добродетели есть нечто твердое и состоятельное. Ибо кто преуспел в чем-либо высоком, например, в целомудрии, или в скромности, или в благочестии пред Богом, или в другом каком из возвышенных и Евангельских учений, тот при каждом преспеянии имеет не мимолетное и неустойчивое, но непоколебимое, во все продолжение жизни пребывающее и продолжающееся веселие. Почему же? Потому что все это всегда можно приводить в действие, и во все продолжение жизни нет времени, приводящего в пресыщение добрую деятельность. И целомудрие, и чистота, и непереткновенность во всяком добре, и необщительность со злом всегда приводятся в действие, пока имеет кто в виду добродетель, и деятельность сопровождается веселием (свт. Григорий Нисский, 19, 414).

...Приобретение добродетели, в ком однажды твердо она укоренилась, ни временем не меряется, ни сытостью не ограничивается, но живущим добродетельно всегда доставляет чистое, живое, сильное ощущение собственных своих благ. Почему алчущим сего Бог-Слово обещает удовлетворение алчбы, такое удовлетворение, которое сытостью воспаляет, а не угашает желание (свт. Григорий Нисский, 19, 415).

...Кто возжелал добродетели, тот добро делает своим приобретением, в себе видя то, чего возжелал. Посему блажен взалкавший целомудрия, ибо исполнится чистоты. А насыщение ею производит не отвращение, но усиление желаний, и насыщение и желание взаимно возрастают в равной одно с другим степени. Ибо за вожделением добродетели следует приобретение вожделеваемого; и приобретенное благо приносит в душу непрекращающееся веселие. Таково свойство сего блага, что не в настоящем только услаждает пользующегося им, но на все части вре-

мени доставляет действительное веселие, потому что преуспевающего увеселяют и воспоминание о жизни, проведенной правильно, и самая жизнь в настоящем, когда проводится она добродетельно, и ожидание воздаяния, которое не в ином чем полагаю, как в той же опять добродетели, так как она есть дело преуспевающих и делается наградою преспеяний (свт. Григорий Нисский, 19, 415—416).

...Истинная добродетель — добро без примеси худого, добро, при котором постигается всякое понятие, составляемое мыслью о наилучшем — Сам Бог-Слово, — сия *покрывшая небеса добродетель*, как выражается Аввакум (ср.: Авв. 3, 3). И весьма справедливо ублажены алчущие сей Божией правды, ибо подлинно *вкусивший* Господа... (ср.: Пс. 33, 9), т. е. приявший в себя Бога, делается исполненным того, чего жаждал и алкал, по обетованию Рекшего: *Аз и Отец придем и обитель у него сотворим* (ср.: Ин. 14, 23), очевидно, по вселении уже Святого Духа (свт. Григорий Нисский, 19, 417).

Как если бы из чувственной снеди, принимаемой в пищу, ничто не извергалось по излишеству, но всецело принималось в прибавление телесного роста, то тела достигали бы великого роста, потому что величину их приращала бы собою ежедневная пища; так и оная правда, а с нею и всякая добродетель, поелику, будучи вкушаема, как духовная снедь, не извергается, то причащающихся делает всегда более и более от нее рослыми, непрестанно возвращая их величину своим прибавлением (свт. Григорий Нисский, 19, 417—418).

...Не должно нам, имея в виду какое-либо одно из добрых дел, оставаться нерадивыми о преспеянии в прочих... (свт. Григорий Нисский, 20, 72).

...Добродетели... будучи тверды и неуступчивы, не допускают внутрь себя притока искушений, да и во время искушений противятся влиянию порока (свт. Григорий Нисский, 20, 96).

Цветы... жизни нашей суть добродетели, которые ныне цветут, плод же свой приносят во время свое (свт. Григорий Нисский, 20, 132).

...Добродетель не знает над собою властелина, произвольна, свободна от всякой необходимости (свт. Григорий Нисский, 20, 139).

...Божие насаждение составляют добродетели, и если ими занята мыслительная сила нашей души, и не развлекается ничем внешним, то она запечатлена печатью истины, нося на себе образ расположения своего к добру (свт. Григорий Нисский, 20, 239).

...Недоступен будет татям плод добродетели, будучи огражден твердою корою воздержания, честным и угрюмым состоянием, как бы какими иглами терний язвя приближающихся с худою целью (свт. Григорий Нисский, 20, 244).

...Сколько добродетелей, столько же надлежит представлять себе и источников очистительных вод, от которых очи непрестанно делают самих себя чище: например, целомудрие есть источник очистительной воды, другой такой же источник — смиренномудрие, истина, правда, мужество, вождение добра, отчуждение от зла. Сии и подоб-

ные сим воды, хотя из одного источника, но собираются различными потоками в одно исполнение, и ими производится очищение очей от всякой страстной нечистоты (свт. Григорий Нисский, 20, 342—343).

...Добродетель тогда будет торжествовать победу над злом, когда все враждебное ей, при содействии разума, обратится в ничто (свт. Григорий Нисский, 24, 232).

...Какую из частных добродетелей почитать совершеннейшею и достойною заботы прежде прочих, и какую за сим вторую, и какие остальными дальнейшими — сказать нельзя. Ибо они одинаково зависят одна от другой и обладающих ими, одна посредством другой ведут на высоту (совершенства), ибо простота отсылает к послушанию, послушание к вере, вера к надежде, а надежда к правде; последняя к служению, а это к смирению, смирением объемлет кротость, которая ведет к радости, радость же к любви, любовь к молитве, и таким образом взаимно зависят и поставляя в зависимость от себя обладающего ими, возводят его <человека> на самую вершину желаемого, также наоборот, и зло своих друзей, свойственными себе мерами, низводит до крайней порочности. Но более всего должно нам прилежать к молитве, ибо она есть как бы некий предводитель лика добродетелей, и посредством таинственной святости и духовного действия и неизреченного расположения, прилежного в молитве вводит в единение с Богом. Кто пламенеет любовью, никогда не находит насыщения в молитве, но всегда сгорает желанием блага... (свт. Григорий Нисский, 24, 278—279).

...Возвысившись своею жизнью над всем миром и почитая одну только добродетель бесценным для себя стяжанием... <человек> проводит жизнь мирную, без печалей

и борьбы. Потому что сокровище добродетели, хотя в нем принимают участие все люди, каждый по своим силам, вполне удовлетворяет ищущих его; не таково земное сокровище, которое, когда делят его на части, сколько прибавляют к одной части, столько же отнимают у другой, и избыток у одного сопровождается уменьшением участвующего в доле: отсюда борьба за большую часть, отсюда, вследствие уменьшения, возникает между людьми ненависть. А в оном сокровище стремление приобрести больше не возбуждает зависти, и восхитившийся больше не наносит никакого ущерба тому, кто считает себя достойным равной части: но по мере того, как кто вмещает и сам удовлетворяется в своем благом желании, и богатство добродетелей не оскудевает у имевших оное прежде (свт. Григорий Нисский, 24, 306—307).

Милосердие есть наилучшее семя добродетели (авва Евагрий, 89, 538).

Муж добродетельный есть райское древо (авва Евагрий, 89, 602).

Плоть Христова — деятельные добродетели; кто вкушает их, тот делается бесстрастным (авва Евагрий, 89, 613).

...Главных добродетелей четыре: разумность (φρόνησις), мужество, целомудрие и справедливость. Дело разумности... состоит в том, чтобы созерцать умные святые силы; дело мужества — стоять в истине и, хотя бы встретилось противоборство, не уклоняться к несущему; приняв семена от первого Земледельца, — отвращаться от всевателя (врага) свойственно... целомудрию <из притчи: всеявший

есть диавол (Мф. 13, 39)>. А дело справедливости — воздавать каждому по достоинству (авва Евагрий, 89, 666).

Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько возжеленнее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 65).

...Добродетель! Она не только делами, но и страданиями своими не оставляет в темноте и безвестности и саму себя, и исполняющих ее (свт. Иоанн Златоуст, 44, 67).

Одно обетование благ недостаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания (свт. Иоанн Златоуст, 44, 171).

Совершенство добродетели состоит не в том, чтобы не делать того, за что мы у всех стали бы считаться худыми, но в том, чтобы блистать такими делами, которые и не совершивших не подвергают за это осуждению... (свт. Иоанн Златоуст, 44, 302).

Когда... <человек> услышал пророков и апостолов и получил благодать Духа, то Бог возвысил степень добродетелей, и это справедливо (свт. Иоанн Златоуст, 44, 372).

Таково свойство добродетели, что она не только полезна нам для будущего, но и здесь доставляет уже награду (свт. Иоанн Златоуст, 45, 36).

...Добродетельная жизнь сама составляет величайшую честь и счастье, хотя бы мы и терпели наказание (свт. Иоанн Златоуст, 45, 94).

Величие добродетели особенно и состоит в том, что она не имеет нужды ни в богатстве, ни во власти, ни в славе, и ни в чем другом подобном, а в одной только душе освященной, и не требует ничего больше (свт. Иоанн Златоуст, 45, 266).

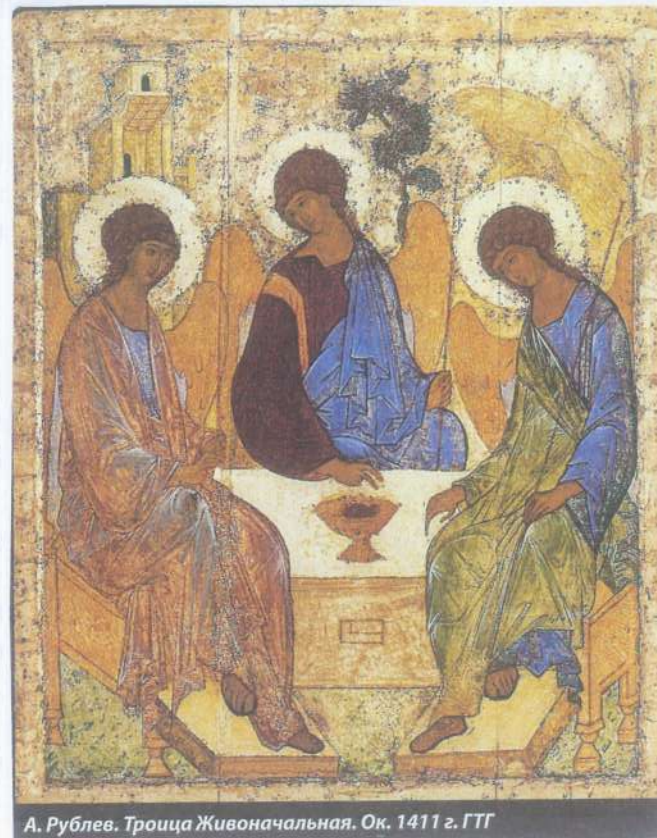
...Человека... <добродетель> делает ангелом, и душу как бы на крыльях возносит на небо (свт. Иоанн Златоуст, 45, 324).

Итак, что без молитвы совершенно невозможно связаться с добродетелью и с нею идти по жизненному пути, я думаю, ясно всем. Да и как мог бы кто упражняться в добродетели, не приступая и не припадая непрестанно к Вождю ее и Подателю? (свт. Иоанн Златоуст, 45, 833).

...Не от возраста и не от тела зависят состязания добродетели, а от одной только души и воли (свт. Иоанн Златоуст, 46, 624).

Таково естественное свойство добродетели: ее путь усеян трудами, тяжелыми усилиями, кознями и опасностями. Но таков путь, а за ним — венцы, награды, блага неизреченные и бесконечные. Так утешай себя этим (свт. Иоанн Златоуст, 46, 666).

...Следует и нам, собрав богатство добродетели, беречь

А. Рублев. Троица Живоначальная. Ок. 1411 г. ГТГ

его с великой тщательностью и не выкладывая на глаза всем, но скрывать его в самом надежном хранилище ума... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 33).

...Сознание тяжести грехов немало способствует обращению к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 47, 42).

Ничего нет равного добродетели, возлюбленный! Она и в будущем веке исхитит нас из геенны и откроет путь в Царство Небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, всеу и напрасно злоумышляющих на нас, делает

сильнее не только людей, но и самих демонов и врага нашего спасения, т. е. дьявола (свт. Иоанн Златоуст, 47, 65).

Сила добродетели в том, что она и врагам своим заграждает уста и обуздывает язык (свт. Иоанн Златоуст, 47, 108).

...Велика сила добродетели... хотя подвергается <она> нападениям и терпит бесчисленные бедствия, но от этого становится еще славнее и блистательнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 189).

...Научимся заботиться о добродетели и ставить высоко угождение Богу, не станем ссылаться ни на управление домом, ни на заботу о жене, ни на попечение о детях, ни на что-либо другое и думать, будто этим мы можем достаточно оправдать себя в нерадивой и беспечной жизни... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 197).

...Ни из угождения дружбе, ни из покорности какому-либо обычаю не станем пренебрегать добродетелью... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 210).

...Как стоящий на высокой скале смеется над волнами, когда видит, что они с шумом ударяются о скалу и тотчас обращаются в пену, так и подвизающийся в добродетели, пребывая в безопасном месте, не испытывает никакой неприятности от житейского волнения, но живет спокойно, наслаждаясь тишиной своих помыслов... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 214).

...<Добродетель> сопутствует нам и во время исхода отсюда, и тогда особенно, когда мы нуждаемся в ее помощи, в тот страшный день подает нам великую помощь, преклоняя на милость к нам Судию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 215).

...Добродетель и сама по себе достойна удивления; но если еще кто творит ее окруженный препятствиями, то она является гораздо более дивною (свт. Иоанн Златоуст, 47, 215—216).

Такова-то сила добродетели, что она, и страдая, побеждает причиняющих (страдания) и, подвергаясь нападениям, бывает выше нападающих (свт. Иоанн Златоуст, 47, 216).

...Нечестивые обыкновенно всегда издеваются над решившимися удалиться нечестия и прилепляющимися к добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 216).

Нечестие всегда проявляет большую злобу против добродетели; и не только нимало не вредит ей, но, нападая на нее, делает ее только сильнее (свт. Иоанн Златоуст, 47, 216).

...Добродетель своим появлением обращает в бегство грех, и, рассеяв мрак заблуждения, возбуждает души взирающих на нее к славословию (свт. Иоанн Златоуст, 47, 268).

Пусть ни бесчестие не печалит нас, ни бедность не стесняет, ни болезнь телесная не ослабляет бодрости душевной, ни людское презрение и унижение не делает нас менее усердными к подвигам добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 294—295).

Одинаково пагубно и вредно для нашего спасения как совершение дел духовных ради славы человеческой, так и высокое мнение о совершенных нами добродетелях (свт. Иоанн Златоуст, 47, 326).

...Творящий добродетель по... заповеди (см.: Мф. 6, 17—18) и старающийся скрывать ее от людей явно получит от Господа награду в тот Страшный день (свт. Иоанн Златоуст, 47, 326).

...Соблюдая добродетель, мы получаем сугубую награду от Бога — и за то, что сами в добродетели живем, и за то, что ближних привлекаем к добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 441).

...Добродетель... людей, хотя бы и немногих, может покрыть грехи многих — потому что велика благодать Господа... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 469).

...Нет ничего сильнее и могущественнее добродетели... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 563).

...Никто не должен смотреть на трудность добродетели,

но, имея в виду происходящую от нее пользу, всякий с готовностью да подымлет ради нее все труды (свт. Иоанн Златоуст, 47, 576).

...Нет ничего сильнее, нет ничего могущественнее добродетели, — не потому, чтобы она сама по себе имела такую силу, а потому, что приобретший ее пользуется и Вышнею помощью (свт. Иоанн Златоуст, 47, 660).

Такова сила добродетели, что и чрез самые гонения она достигает большей славы (свт. Иоанн Златоуст, 47, 660).

Как перл, хотя бы брошен был в тину, показывает свою красоту, так и добродетель, куда бы ты ее ни свергнул, проявляет свою силу — и в рабстве, и в темнице, и в бедствии, и в счастии (свт. Иоанн Златоуст, 47, 671).

...Никому нельзя ссылаться на юность там, где должно показать добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 47, 678).

Если и мы желаем иметь свыше помощь, то будем заботиться о добродетели. Таким образом и мы привлечем благодать Духа, — и настоящую жизнь проведем беспечно, и будущие наследуем блага... (свт. Иоанн Златоуст, 47, 725).

Если будем содержать правильные догматы, а дел добродетели не будет, то совершенно лишимся Вечной жизни (свт. Иоанн Златоуст, 47, 738).

Ничто так не способствует преспеянию в добродетели, как частое собеседование с Богом <в молитве>, постоянное благодарение и славословие Бога (свт. Иоанн Златоуст, 48, 88).

Добродетель и сама по себе трудна и неудобноисполнима, но особенно тогда, когда исполняющий ее находится среди малого числа людей добрых (свт. Иоанн Златоуст, 48, 138).

Не малый знак добродетели, когда кто в счастье остается добродетельным (свт. Иоанн Златоуст, 48, 465).

...Немаловажный вид добродетели — не избегать обличений и укоризн от людей праведных (свт. Иоанн Златоуст, 48, 490).

Такова добродетель: она требует кратковременного труда, а доставляет вечную радость (свт. Иоанн Златоуст, 48, 492).

...Ограждается, укрепляется и возрастает добродетель... тем, чтобы удаляться от нечестивых, быть собранным и сосредоточенным в самом себе во всю жизнь и жить в уединении от людей развращающих (свт. Иоанн Златоуст, 48, 493).

Бог не принимает того, что совершается в силу необходимости, но только то, что совершается свободною волею (свт. Иоанн Златоуст, 48, 715).

Кто имеет золото, серебро или драгоценные камни, тот не оставляет их снаружи, но скрывает во внутренних покоях, куда не могут достигнуть руки воров, подкапывающих стены; так и тот, кто имеет богатство добродетели, скрывает его в душе, чтобы обольщениями тщеславия не расхитили его грабители душ (свт. Иоанн Златоуст, 48, 787).

Исход души из тела.

...Кто не живет добродетельно, тот, хотя бы прожил и много лет, все-таки умирает в недостатке дней, т. е. преждевременно, не принеся тех плодов, ради которых он и вступил в жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 48, 839).

Такова добродетель: она одним появлением своим огорчает живущего порочно (свт. Иоанн Златоуст, 49, 47).

Тем, кто следует добродетели, нехорошо превозноситься и говорить о себе великое, так как гордых постигают наказания от Бога... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 124).

<После пришествия Христова> никакая добродетель не есть самая трудная и никакая не легче прочих, стремитесь легко ко всем и будете совершенствоваться, когда пожелаете (свт. Иоанн Златоуст, 49, 215).

...Добродетель легка не по своей природе, но Христос Своим пришествием сделал ее весьма легкою... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 215).

Мы постоянно видим, что выдающимися людьми становятся не крепкие телесною силою, но великие душевною добродетелью, так как и корабль рассекает волны не потому, что он велик, окован медью и имеет несокрушимые борты, но потому, что имеет управителя, который направляет его по своей воле (свт. Иоанн Златоуст, 49, 301).

Добродетель делает здоровыми не только души, но также и тела, сохраняя их от разложения, наподобие острой и холодной зимы (свт. Иоанн Златоуст, 49, 309).

Добродетель не подвергается рабству, и ничто не может преодолеть ее: ни рабство, ни плен, ни бедность, ни болезнь, ни самая смерть... (свт. Иоанн Златоуст, 49, 441).

Бог разделил с нами добродетель, не все предоставил нам, чтобы мы не возгордились, и не все взял на Себя, чтобы мы не впали в беспечность, но, оставив немногое нашим трудам, большую часть совершает Сам <...>

Для чего же, скажешь, мне и стремиться, для чего хотеть, если не все зависит от меня? Для того, чтобы хотением и стремлением привлечь помощь и благословение Божие, чтобы Он оказал содействие, простер Свою руку и довел до конца. А если ты... перестанешь хотеть и стремиться, то и Бог не прострет Своей руки, но отступит и Он (свт. Иоанн Златоуст, 49, 449—450).

Добродетели возводят нас к той дивной первообразной красоте, какую человек обладал, будучи создан по образу Божию и подобию (свт. Иоанн Златоуст, 49, 840).

...Будем остерегаться — хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и пред людьми ненавистными, и пред Богом мерзкими (свт. Иоанн Златоуст, 50, 33).

...Глас добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца... Если мы будем иметь все... добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 162).

...Как скоро хотя немного станем избегать грехов, порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкою, удобною и любезною (свт. Иоанн Златоуст, 50, 189).

Пока мы увлекаемся страстями, до тех пор добродетель почитаем трудною, неудобною и неприступною, а порок любезным и приятным (свт. Иоанн Златоуст, 50, 189).

...Если ты особенно желаешь того, чтобы люди видели твои добродетели, то скрой их ныне, чтобы все с большею честью увидели их тогда, когда Бог сделает их явными, откроет и возвестит пред всеми. Видящие ныне обвинят тебя, пожалуй, и в тщеславии, а когда увидят тебя венчаемого, тогда не только не обвинят тебя, но и все удивятся тебе (свт. Иоанн Златоуст, 50, 218).

...Ты обижаешь и самую добродетель, когда исполняешь ее не для нее самой, но для <кого-нибудь> (свт. Иоанн Златоуст, 50, 234).

...Добродетели души не земное имеют начало, но суть плод духовный и не подлежат съедению от червей. Эти одежды ткуются на небе, где нет ни моли, ни червей, ни чего-либо подобного (свт. Иоанн Златоуст, 50, 275).

Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых (свт. Иоанн Златоуст, 50, 283).

...Чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами (свт. Иоанн Златоуст, 50, 291).

...Будем упражняться в добродетели, она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу... (свт. Иоанн Златоуст, 50, 361).

...Добродетель имеет и главу, и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиреномудрие... Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает Самого Бога... Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы, благоприятные Богу. Она — золотой жертвенник и духовный алтарь... Она — мать премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет <...>

Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и пронизательны, что видят Самого Господа... Уста же добродетели суть премудрость и разум и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколюбие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги — явление добрых дел. Есть у нее и душа — благочестие. Есть у нее золотая и тверже адаманта грудь — мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец, дух, пребывающий в мозгу и в сердце, — любовь (свт. Иоанн Златоуст, 50, 492—493).

...Многого труда стоит утвердиться в добродетели; но за то она много радуется совести, и столько производит внутреннего удовольствия, что никаким словом и выразить нельзя (свт. Иоанн Златоуст, 50, 551).

...Не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили ее, но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же следствия (свт. Иоанн Златоуст, 50, 658).

...Кто <добродетели> делает для славы, тот, когда только можно утаиться, не откажется удовлетворить своим злым пожеланиям (свт. Иоанн Златоуст, 51, 182).

Добродетель еще прежде получения венцов утешает своего труженика, питая его надеждами... (свт. Иоанн Златоуст, 51, 235).

...Ничто так не делает людей разумными, как добродетель; она делает их признательными, благонамеренными, человеколюбивыми, тихими, кроткими, смиренными; она обыкновенно рождает и все другие совершенства. Кто же может быть мудрее человека с такими расположениями? (свт. Иоанн Златоуст, 51, 275).

Сурова добродетель, но будем представлять ее облеченною в величие будущих обетований. Люди с душою возвышенною находят ее и без этого, саму по себе прекрасною, и потому стремятся к ней, живут добродетельно не из-за наград, а для угождения Богу, и высоко ценят целомудрие не для того, чтобы избежать наказания, а потому, что так повелел Бог (свт. Иоанн Златоуст, 51, 516).

Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся пресле-

Спас Вседержитель. Центр. Россия. 1800 г.

дованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, — не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она, обыкновенно, в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят добрую славу других, злые люди ненавидят (добрых), как идущих противоположным путем, и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит знаком добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 51, 548).

Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда — идти и гораздо далее (свт. Иоанн Златоуст, 52, 82).

...Ангелами делает добродетель, а добродетель в нашей власти; следовательно, мы можем созидать ангелов, если не по естеству, то по произволению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 294).

Без добродетели нет никакой пользы быть ангелом по естеству, это доказывает диавол, бывший таким прежде, а с нею нет никакого вреда быть человеком по естеству; это доказывает Иоанн, бывший человеком, и Илия, восшедший на небо, и все имеющие отойти туда. Им и тело не воспрепятствовало обитать на небе, а те, будучи бес-телесными, не могли остаться на небе. Потому пусть никто не скорбит и не жалуется на свою природу, как бы она препятствовала, но на свое произволение (свт. Иоанн Златоуст, 52, 294).

...Несчастье бывает для добродетели причиною и по-водом к ее прославлению (свт. Иоанн Златоуст, 52, 469—470).

...В добродетели начало исполнено трудов, а продолже-ние приятно, так что этим и самый труд облегчается... (свт. Иоанн Златоуст, 52, 631).

Все стяжание добродетели остается бесполезно, если в корне своем не имеет правых догматов (свт. Иоанн Злато-уст, 52, 654).

Тяжка... <добродетель> для нашей лености, а сама по себе легка и удобна... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 137).

...Добродетель... доставляет только радость и спокой-ствие; она делает человека недоступным для коварных врагов... (свт. Иоанн Златоуст, 53, 362—363).

...Держись добродетели; в таком случае, хотя бы ты в юности переселился отсюда, переселишься безопасно, хотя бы достиг старости, переселишься обогащенный, и во всю жизнь будешь иметь сугубый праздник, и как воздер-жавшийся от порока, и как возлюбивший добродетель (свт. Иоанн Златоуст, 53, 660—661).

Солнце, приподнявшись над землею и совершая к нам путь с востока, прогоняет ночь, будит спящих и вызывает к делам; свет богопознания будит душу, освещает помыслы и вызывает к добродетели; и этого нам нужно желать больше, чем солнечного блеска (свт. Иоанн Златоуст, 53, 822).

...Смиренномудрие есть основа всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, кто ты и как спасен, то воспоминание об этом служит для тебя по-буждением к добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 54, 85).

...Если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель от любви, а любовь от добродетели (свт. Иоанн Златоуст, 54, 88).

Не так непристойно человеку быть нагим по телу, как быть обнаженным от добродетели. При телесной наготы его непристойное положение видят такие же (как он) рабы, а там — это видят Владыка и Ангелы (свт. Иоанн Зла-тоуст, 54, 117).

...Зная, что без добродетели мы хуже бессловесных,

будем подвизаться в ней, чтобы быть людьми, или лучше — ангелами и наслаждаться обещанными благами... (свт. Иоанн Златоуст, 54, 287).

...Ничто не может победить добродетели — ни богатство, ни бедность, ни власть, ни подчиненность, ни управленческие дела, ни болезнь, ни бесславие, ни ссылка... она, оставив все это долу, на земле, поспешает на небо (свт. Иоанн Златоуст, 54, 328).

Одна только добродетель способна сопутствовать нам, одна только добродетель переходит в будущую жизнь (свт. Иоанн Златоуст, 54, 695).

Добродетели к человеку не привяжешь, если нет у него к ней расположения (свт. Иоанн Златоуст, 54, 931).

...В бедности гораздо легче быть добродетельным, нежели в богатстве (свт. Иоанн Златоуст, 55, 25).

...Кто намеревается обратиться к добродетели, тот наперед должен отказаться от пороков, и тогда уже вступить (в жизнь добродетельную) (свт. Иоанн Златоуст, 55, 88).

...Пусть не приступает никто из вас к добродетели как наемник, как неблагодарный, как к чему-либо тяжкому и невыносимому, напротив, будем приступать к ней с усердием и радостью. Если бы не была обещана награда, то неужели не следовало бы быть добродетельным?

...Бог, по великой нашей немощи, благоволил побуждать нас к добродетели, по крайней мере, наградою, но мы

и при этом не делаемся добродетельными (свт. Иоанн Златоуст, 55, 124—125).

Пред добродетелью все богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки (свт. Иоанн Златоуст, 55, 161).

Нет, подлинно нет такого сильного побуждения к добродетели, как воспоминание о своих грехах (свт. Иоанн Златоуст, 55, 195).

...Добродетель <есть> дело бессмертное и сияющее более солнца (свт. Иоанн Златоуст, 55, 286).

Такова добродетель: когда ее поражают, она делается могущественнее, и, когда против нее коварствуют, становится непоколебимее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 302).

...В борьбе за добродетель... нужно одно только — воля и душа подготовленная, тогда и юность не бывает бесполезной, и старость не бывает непригодной, — но в каждом возрасте можно видеть зрелый изобильный плод... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 350).

...Никто, пребывающий в добродетели, пусть не предается сну. Пусть не полагается слишком на себя... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 501).

Если Бог оказывает нам благодеяния, когда мы не достойны их, и милосердствует к согрешающим, то чего не достигнем мы, какими благами не насладимся, если отстанем от нечестия и будем идти стезею добродетели? (свт. Иоанн Златоуст, 55, 502).

...Если мы ревнуем о добродетели, то хотя бы весь мир говорил о нас худо, мы будем всех счастливее (свт. Иоанн Златоуст, 55, 619).

...Будем стараться о приобретении таких добродетелей, которые вместе с нашим собственным спасением могли бы приносить пользу и ближним (свт. Иоанн Златоуст, 55, 662).

...Невозможно, чтобы люди, преданные добродетели, от всех слышали о себе хорошее, невозможно также, чтобы человек, заботящийся о добродетели, не имел многих врагов... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 712).

Порок проявляет большую ярость против добродетели, однакож не только не вредит ей нисколько, но и делает ее более сильной для борьбы (свт. Иоанн Златоуст, 55, 713).

...Что такое добродетель человека? Не богатство, чтобы ты мог бояться бедности, не здоровье, чтобы опасаться болезни, не общественное мнение, чтобы страшиться худой славы, не просто жизнь, без цели, чтобы не бояться смерти, и не свобода, чтобы избежать рабства. Добродетель состоит в сохранении истинных догматов и правильности в жизни. А этого и сам диавол не может отнять, если имеющий это будет хранить с надлежащей тщательностью... (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1021).

...Тотчас полагай начало добродетели, а не откладывая к будущему. Хорошо приниматься за доброе дело, а не тешиться надеждами (свт. Иоанн Златоуст, 55, 1111).

...Постепенно преуспевая, найдем, что упование на Бога, твердая вера, внутреннее ведение, избавление от искушений, благодатные дарования, сердечное исповедание, обильные слезы доставляются верующим молитвою; и не только это, но и терпение находящихся прискорбностей, и искреннее прощение ближнему, и разумение духовного закона, и обретение правды Божией, и Духа Святого наитие, и духовных сокровищ подаяние, и все, что обетовал Бог верующим и здесь и в будущем веке. Одним словом — невозможно душе иначе являться сущою по образу Божию, как благодатию Божиею и верою человека, в сердце пребывающего в глубоком смирении и в нерассеянной молитве (прп. Исихий Иерусалимский, 90, 179).

...Монах, желая собрать духовный мед, как мудрая пчела, должен всякую добродетель заимствовать от тех, кои владеют ею в особенности, и прилежно слагать в своем сердце, не должен допытываться, кто какой имеет недостаток, а смотреть и старательно усвоить только то, что добродетельного кто имеет. Ибо если мы хотим заимствовать от одного все добродетели, то трудно, или вовсе никогда, не могут найтись пригодные нам примеры для подражания (прп. авва Антоний, 56, 50).

...Свойство всех добродетелей одно, хотя по видимому разделяются на многие виды и наименования: так как и сущность золота одна, хотя оно кажется различным во многих и разных родах украшений по способности и воле художников (прп. авва Антоний, 56, 54).

...Добродетели, или самая любовь, которая есть источ-

ник их, будучи приобретена в сем веке, и по кончине этой жизни облакает красотою и блеском любителя своего... (прп. авва Пафнутий, 56, 212).

Во всем, что собственно касается человека, главным образом должно почитать одну только душевную добродетель, которая, приводя нас к Богу посредством чистой веры, побуждает непрерывно прилепляться к сему неизменному благу (прп. авва Феодор, 56, 263).

Человеческая же добродетель, какая бы ни была, не может быть неизменяемою: напротив, если кто, стяжав сию добродетель, захочет непрерывно обладать ею, тот необходимо должен для этого всегда прилагать то же тщание и тот же труд, с каким соединено было приобретение оной, и особенно нужна для сохранения ее помощь благодати Божией (прп. авва Феодор, 56, 278).

...Творец посеял в душах наших семена добродетелей; но только для возрастания их нужны возбуждения со стороны Бога... (прп. авва Херемон, 56, 412).

...Добродетели порождаются не скрыванием пороков, а победением их (прп. авва Херемон, 56, 504).

...Если есть в нас какое-либо назнаменованье добродетели, какой-либо признак честности, какой-либо знак трезвости и осторожности, то должны мы так думать и быть уверенными, что это Божий дар, и Богу воздавать достойную хвалу (прп. Исидор Пелусиот, 60, 132).

Святая Гробница. Иерусалим.

Для того, чтобы быть добродетельным, недостаточно подвижничества, но при подвижничестве надобно быть скромным (прп. Исидор Пелусиот, 60, 262).

Пребывающие в союзе с добродетелью столько же отличны от чуждых оной, сколько люди — от зверей, и Ангелы — от людей (прп. Исидор Пелусиот, 60, 288).

Искренние любители добродетели, и живя в теле, исправляют города, и, сложив с себя тело, оставляют по себе жало любви; потому что гробы их подлинно славны, и род их почтен, и память их вечно продолжается. Да и справедливо, потому что приобрели они добродетель, к которой не может прикоснуться кончина (прп. Исидор Пелусиот, 60, 288—289).

Ничто не равно добродетели, не потому только, что она несравнимым превосходством превышает все прочее, но и потому, что и неправильное делает правильным, и неравное уравнивает. Ибо и в нищете не унижается, но и в рабстве не терпит служений несвободных, и в бесславии не скрывается, но и в богатстве не гордится, и в начальстве не превозносится, а, на все это налагая свое умение, подчиняет сие правилу и приводит в стройность, не сама следует тому или другому, но все заставляет последовать своему искусству (прп. Исидор Пелусиот, 60, 352—353).

Кому известны дела блистательнейшие дел добродетели, которая своим любомудрием и неправильности делает правильными, в неравных обстоятельствах сохраняет одинаковый образ мыслей, повсюду уготовляет себе громкую славу, падших в бедствия утешает, возгордившихся в благоденствии уцеломудривает? Посему к ней устремляй око души своей, в ее красоту всматривайся, чтобы, когда соделаешься пламенным ее любителем, все тебя хвалили и провозглашали (прп. Исидор Пелусиот, 60, 353).

Чти добродетель, а не счастьем услуживай. Ибо добродетель достояние бессмертное, а счастье легко рушится (прп. Исидор Пелусиот, 60, 378).

Правило же добродетели и любомудрия — искренность с благоразумием (прп. Исидор Пелусиот, 60, 395).

Добродетель не признает бесчестием — всем быть равного достоинства по нравам, но не надлежит также любить тебе невозможное, а, напротив того, оставив это, надобно желать сообразного. Ибо и священнотаинник Моисей

Апостол Павел

и богомудрый Павел в ином не достигали того, чего просили, но были научены, что просили не на пользу себе (прп. Исидор Пелусиот, 60, 397).

...Любители добродетели всего превыспреннее и поставили себя выше не только малодушия, но и страхов, и опасностей, и всякой превратности, не в том смысле, что не терпят сего, но в том (и сие гораздо важнее и показывает, что таковая жизнь божественна), что пренебрегают встречающиеся с ними бедствия... (прп. Исидор Пелусиот, 60, 421).

Во всяком почти собрании много бывает речей о доб-

родетели, но мало у многих о ней заботы, много же у небольшого только числа. По крайней мере, все, не только любители добродетели, но и враги ее, прославляют ее. Такова лепота добродетели! А порок и враги и любители порицают. Такова его гнусность! Но вооруженный настоящим удовольствием, от многих заслуживает он одобрение, и будучи зверообразным, предпочитается добродетели, сияющей божественною лепотою. Посему надлежит знать, что, если настоящее удовольствие и кажется имеющим более силы, нежели оказывающееся полезным впоследствии, то конец его бывает пагубен. Посему лучше идти от трудов к покою, нежели от удовольствия к наказанию (прп. Исидор Пелусиот, 60, 444).

Добродетель имеет не только награду... но и венец, и громкую славу. Но несправедливо поступишь, доведываясь о каждом ее виде, есть ли за это награда. Ибо большая будет награда тому, кто делает не из награды. Если ты в подлинном смысле будешь любителем добродетели, то узнаешь, что и без воздаяния добродетель сама по себе есть награда, венец и украшение, имея воздаяние в себе самой. Но поелику, как настоящий наемник, тщательно допытываешься о награде, то в слышащих это возбуждаешь подозрение, что, говоря предположительно, если бы не было награды, ты не стал бы упражняться и в добродетели. Впрочем, как бы ты ни думал, только упражняйся в добродетели, которая любителей своих соделывает славными здесь, и еще славнейшими там (прп. Исидор Пелусиот, 60, 452—453).

Когда, под руководством благоразумия, все силы в человеке посвящают себя на служение добродетели, отложив все извинения и всякое коснение, тогда, тогда именно, доведет ее до совершенства Бог, Который и не хотевших побуждает возлюбить ее. Ибо Ему несвойственно было

бы уклоняющихся от добродетели привлекать к ней, а тем, которые сами собою возлюбили ее, не подать руку помощи (прп. Исидор Пелусиот, 61, 46—47).

Всякое дело бывает отлично хорошо при заботливом ухаживании, а без заботливости скоро пропадает, особенно же добродетель требует, чтобы служивали ей ежедневным в ней упражнением, а без возделывания теряет листья, и губит плод (прп. Исидор Пелусиот, 61, 74—75).

Когда воздержишься от порока, тогда вправе будешь думать и о добродетели. Ибо, если сгладить с себя порок, то можно будет подумать и о том, за какой вид добродетели взяться тебе. А прежде нежели правильно положено начало и основание, излишним почитаю рассуждать об окончании и кровле (прп. Исидор Пелусиот, 61, 112).

Как скоро поток греха остановится в стремлении к погибели, <тогда> примет свое начало движение к добродетели. Как на поприще только прекращение движения делает возможным движение обратное, а пока не остановишься, не можешь обратиться в противную сторону: так и порок, если не остановишь его, не даст места добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 61, 188).

Пусть кто-нибудь происходит из самого славного отчества и знаменитого рода, изобилует богатством всякого вида, в красноречии достиг наибольшей высоты, все произведение древних носит у себя в устах, величается и силою, и красотою, и славою, и правом начальства, удо-

стоился самой царской власти, возложил на себя венец и багряницу, но если не имеет он добродетели, то поставлю его в ряду невольников. Но если кто по своей справедливости, по целомудрию, по мужеству, по благоразумию мудрец, то причислю его к мужам царственным. А если любитель добродетели лучше имеющего все сказанное выше в совокупности, то не имеющего всего этого в совокупности (так как сойтись всему вместе и невозможно) будет он гораздо еще блаженнее и славнее, потому что те блага скоро гибнут, а добродетель бессмертна (прп. Исидор Пелусиот, 61, 209).

Те, которые изощряют душу в добродетели, как природные некие облики Божественного любомудрия, по необходимости пребывают в союзе с телом, и, довольствуясь самым нужным, ненавидя же возмущающую сердце любостяжательность, как источник всякого порока, избавляют себя от тьмочисленных зол (прп. Исидор Пелусиот, 61, 250).

...Иди средним путем добродетели; потому что излишества и недостатки, отводя от пути прямого, оканчиваются пороками (прп. Исидор Пелусиот, 61, 326).

...Ищи добродетели, избавляющей от всего худого. Если она требует потов и трудов, то не бегай ее за это, но возлюби наипаче, рассуждая, что и во всем прочем приобретенное потами и трудами, даже и малое что-либо, вожделенно; а доставшееся само собою, даже великое что-нибудь, пренебрегается (прп. Исидор Пелусиот, 61, 327).

Кто упражняется в добродетели, тот имеет светлый

венец. А кто преуспевает, не признавая себя преуспевшим, за это самое расположение имеет еще более светлый венец. Ибо равняется преспеянием — преуспевшему не признавать себя преуспевшим. Лучше же сказать, когда есть такое расположение, и малые преспеяния делает оно великими; а когда его нет — и великие преспеяния умяляются. Посему кто хочет преспеяния свои сделать великими, тот не признает их великими, и тогда будут велики (прп. Исидор Пелусиот, 61, 365).

...Подвижник добродетели в самом подвиге обучается добродетели, и дознает некоторым образом, что она всего полезнее, всего благоприличнее, всего более охраняет нас, и узаконена на пользу (прп. Исидор Пелусиот, 61, 472).

Как светильник, показавшись в безлунную ночь, сам собою обращает к себе взоры, так и добродетель, против воли обладающих ею, обыкновенно озаряет всех (прп. Исидор Пелусиот, 62, 73).

Добродетель... есть достояние божественное, богоугодное, блаженное, бессмертное, непрепобеждаемое забвением. Ибо славна у людей, и приснопамятна у Бога... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 137).

...Бегите же вослед добродетели, она сильна на то, чтобы держащихся ее умудрить и соблести в приличном состоянии. Она часто и в глазах, которые смотрят как-то кротко и тихо, показывает, что внутри есть ум, исполненный смиренномудрия (прп. Исидор Пелусиот, 62, 149).

...Одно только богатство добродетелей безопасно сохра-

няет при себе приобретший оное... (прп. Исидор Пелусиот, 62, 159).

Одна добродетель достаточна к тому, чтобы украсить обладающего ею, ибо ни один начальник не имеет сам по себе вознаграждения, но приобретает почесть в подданных, а любитель добродетели имеет славу в себе самом, и притом неотъемлемую (прп. Исидор Пелусиот, 62, 180).

...Имеющим у себя сокровище добродетелей гораздо более прилично бодрствовать, нежели не приобретшим ничего хорошего. У одних есть, а у других нет, что и стеречь. И не столько печалит неприобретение чего-либо, сколько лишение того, что было в руках (прп. Исидор Пелусиот, 62, 228).

Если за что достоин ты величайших похвал, за то самое тебя порицают люди, добродетели других признающие собственным своим несчастьем, ты не упадай духом. Сие самое и служит наипаче сильнейшим доказательством добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 232).

...Если думаете, что порок доставляет наслаждение, а добродетель — труды и поты, то должны представить себе, что наслаждение прежде нежели явится, уже исчезает, а добродетель имеет бессмертное веселие; порок, идя путем широким и пространном, оканчивается местом тесным и непроходимым; добродетель же, шествуя с трудами и полами, достигает широкой радости (прп. Исидор Пелусиот, 62, 239).

...Возлюбите добродетель, которая удобно приведет вас и к Божественной вере (прп. Исидор Пелусиот, 62, 240).

Если ты упражняешься в добродетели, то не потерпи, чтобы красота ее помрачалась ее изображением. Добродетель — великое дело, и когда свидетельствует не сама о себе, кажется людям более величественною и прекрасною. Если же думаешь, что останешься в неизвестности, если сам себя не выставишь на показ, то думай напротив, что тогда и просияешь, когда не будешь выставлять себя напоказ. Ибо род человеческий как-то упорен; на величающихся вооружается, а старающимся смиряться с удовольствием уступает над собою победу. Первым, сокращая их любочестие, приписывает недостатки, которых не имеют, а в последних хвалят совершенства, которых в них нет. Притом же добродетели и утаиться невозможно, но, хотя на малое время и помрачает ее зависть, немедленно снова она просияет и преодолевает помрачивших. Невозможно утаиться как свету, так и добродетели. И это пусть сказано будет о суде человеческом. Если же тебе желательно дознать и суд Божий, то имеем в Божественном Евангелии ясно изображенный приговор фарисею и мытарю (прп. Исидор Пелусиот, 62, 243—244).

Из телесных преимуществ каждое легко утрачивается и имеет временную приятность, таковы, например, красота, сила, быстрота, потому что они с разрушением тела обратятся в ничто. Одной только добродетели, как питаемой в бессмертной душе, не обикла касаться превратность. Поэтому надлежит всеми силами подвизаться в добродетели, а не почитать за великое казаться только подвизающимся. Но не пренебрегите ее из жадности к богатству; оно малоценнее добродетели. Богатство легко отнимет иной или тайно, или по превосходству сил, а добродетели не лишит, хотя бы разлучился ты с телом (прп. Исидор Пелусиот, 62, 257).

Кто возлюбил добродетель в старости, тот все остальное время тратит на то, чтобы прийти в возможность загладить грехи свои в первом, втором и третьем возрасте, и все тщание его истощается на это. Но и в таком случае часто недостает ему времени. Если падения его были неизвинительны и велики, то отходит к нелюбимому Судии, нося на себе остатки язв. А кто с юного возраста объял добродетель, тот не тратит на это времени, и не сидит как бы во врачебнице, врачуя с трудом исцелимые струпы... напротив того, с вступлением в жизнь получает славные награды... он с самого начала поприща восхищается победными памятниками и провозглашениями, и присовокупляет победы к победам (прп. Исидор Пелусиот, 62, 261—262).

...Добродетель и оскорбляемую лобзаю и лоблю, а порок и венчаемый признаю гнусным, и ненавижу (прп. Исидор Пелусиот, 62, 287).

...Крайне удивляюсь щедрости Божией великодаровитости, потому что дарует венец за венцом, чистую добродетель украшая Царством Небесным (прп. Исидор Пелусиот, 62, 291).

Слепотствует лик добродетелей, если не руководствует им правое учение. Не действенно и правое руководственное учение, если нет при сем лика добродетелей. Если же учение, стоя во главе, предводительствует, а добродетели сопровождают, то лик сей во всяком случае будет увенчан, как совершивший подвиг законно (прп. Исидор Пелусиот, 62, 297).

Никто не сподобится небесного торжества, не отлича-

Огонь адский.

ясь признаками добродетели. А поелику иные, как говоришь, хвалясь ею на словах, в действительности делают достойное не торжества, но наказания, то явно, что у них иное на языке, а иное на сердце, и не подражать им надлежит, но горько о них плакать (прп. Исидор Пелусиот, 62, 316).

Обетовавший венец упражняющемуся в добродетели два дает дара: один — самое дело, а другой — награду за дело. Ибо самый подвиг, как он ни труден, кажется мне даром, не меньшим награды за подвиг, если только как добродетель служит основанием венцу, так и венец дается не без добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 322—323).

Не думай подвигами в добродетели отразить клеветы. На добродетельных наипаче злоумышляют люди, не заслужившие чести, потому что не упражняются в добродетели, но завидуют почитаемым за добродетель. Посему лучше, подвизаясь мужественно, переносить злонравие завистливых, нежели, избегая зависти, отказываться от добродетели (прп. Исидор Пелусиот, 62, 331).

У добродетели есть чистое, прославляемое и нескончаемое веселие, порождаемое доброю совестью, возвращаемое премирными венцами, питаемое упованием будущих благ. Но есть у нее и труды, и бдения, и подвиги, при которых возможно преспеяние, потому что ленивый и сонливый не воздвигает победного памятника, воздвигает же тот, кто славно боролся с противниками (прп. Исидор Пелусиот, 62, 369).

Добродетель есть достояние и необходимое, и полезное, и прекрасное, и приличное, и драгоценное, и ко многому служащее — необходимое, потому что всего необходимее вести жизнь правильную; полезное, потому что ведет к блаженству; прекрасное, потому что делает имеющих ее досточестными; приличное, потому что украшает ею обладающих; драгоценное, потому что конец ее — окончание трудов; ко многому служащее, потому что всего плодотворнее. Посему, кто же, не обезумев до крайности, не прилепится всеми силами к добродетели? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 394).

Не надобно дивиться, если лукавые ведут брань с добрыми. Напротив того, было бы удивительно, если бы дело шло иначе. Ибо, хотя кажется сие крайне несообразным, и словом неизобразимо, и на деле несносно, однако же бывает не без причины. Тьма противится свету. Грабите-

ли, погасив светильники, обращаются к грабежу. И лукавые, нрав добрых почитая обличением своей жизни, стараются искоренить их (прп. Исидор Пелусиот, 62, 407).

...Если бы уготованы были добродетели наказание, а пороку венец, то я лучше с великою приятностью принял бы наказание, как добродетельный, нежели согласился быть увенчанным, как порочный. Так, порок, хотя бы доставил он и венец, кажется мне тягостнее всякого наказания, а добродетель всего драгоценнее, хотя бы не избавлена была от наказания... Но если непременно уготованы добродетели венец, а пороку наказание, что убеждает тебя погружаться в бездну порока? (прп. Исидор Пелусиот, 62, 413).

Ужели же почтешь трудным взойти на высоту добродетели, особливо когда есть и в этом успешные, и даже восшедшие на самый верх добродетели из глубины порока. Но если кажется тебе это трудным, то отстань от порока, и коснись пути, ведущего к добродетели. Ибо и сего, — хотя мало еще отличиться от себя самого, не должно почитать маловажным. А сие будет, если не захочешь ты пользоваться как худыми предначинаниями, так и теми, которые ими пользуются, но окружишь себя и добрыми делами и добрыми людьми (прп. Исидор Пелусиот, 62, 422).

Знай, что в трудах добродетели пребывать постоянно от первого возраста до кончины невозможно, если ожидание наград не будет проливаемых потов растворять понемногу, и беспечально, легко, некоторым образом с веселием, отсылать к скорому окончанию подвигов. Посему, если увидишь человека, который избегает трудов добродетели — этих приятнейших услаждений для здравомыслящих, то знай, что для него не цветет благая надежда (прп. Исидор Пелусиот, 62, 435).

Кто на словах величает добродетель, а на деле отдает предпочтение пороку, и подобен играющим на зрелище, говорит то, чего не знает, и не подтверждает делами того, что хвалит на словах, тому советую не переставать хвалить добродетель (это было бы и несправедливо), но перестать держаться порока, чтобы тем и другим заслужить одобрение (прп. Исидор Пелусиот, 62, 455).

...Добродетель любителей своих делает славнейшими, хотя они в благоденствии, хотя в злополучии. Ибо благоуспешных делая более славными, при встретившихся затруднительных обстоятельствах не попускает им впасть в малодушное уныние, и служит для одних украшением, а для других прибежищем (прп. Исидор Пелусиот, 62, 457).

...Душа, если оградит себя всеми добродетелями, и остенит <себя> Божественным содействием, достигает того, что все ухищрения осаждающих ее оканчиваются для них стыдом и смехом (прп. Исидор Пелусиот, 62, 465).

Каждая добродетель — есть как бы мать и источник происходящих от нее благ... (свт. Кирилл Александрийский, 65, 90).

Телесные добродетели пусть сходятся у тебя с душевными, а душевные с духовными, последние же с невещественным ведением (прп. Нил Синайский, 71, 196).

Не думай, что приобрел ты добродетель, если прежде не боролся за нее до крови... (прп. Нил Синайский, 71, 197).

Согнивший плод бесполезен земледельцу, а добродетель гордого непотребна Богу (прп. Нил Синайский, 71, 219).

Когда восходишь на высоту добродетелей, тогда великая тебе потребность в ограждении. Ибо стоящий на полу и упав скоро восстанет, а упавший с высоты подвергается опасности умереть (прп. Нил Синайский, 71, 222).

...Начинающий добродетельную жизнь отъемлет тук от утробы, отказываясь от снедей, утучняющих тело (прп. Нил Синайский, 73, 76).

...Труд добродетели есть семя, дающее неоскудевающий плод, и во время самого дела радуется совесть ожиданием наслаждения... (прп. Нил Синайский, 73, 105).

...Ум снова преклоняется к страстям, которые прежде были истреблены, и весовую чашу наслаждений обременяют до того, что доходит она до земли. Таково свойство добродетели, она удобопреклонна, если вознерадеют о ней, весьма легко перевешивает противная сторона (прп. Нил Синайский, 73, 126).

...Едва и тот, кто начал с детства, и во все возрасты до последней старости употреблял неослабное попечение, отпечатлеет в себе первообразную добродетель; какое же усилие потребно нерадевшему о сем в прошедшие годы? (прп. Нил Синайский, 73, 157).

Хотя конец добродетели недостижим, но тем, что

непрестанно кажется близким, побуждает он к тому, что достижимо, вызывает на преспеяние... (прп. Нил Синайский, 73, 181).

Радуйся добродетели, когда поступаешь добродетельно, но не превозносись ею, чтобы не случилось крушение в пристани (прп. Нил Синайский, 73, 233).

Добродетели скрывай, но старайся иметь многих свидетелей жизни своей (прп. Нил Синайский, 73, 235).

Ничего не почитай по достоинству равным добродетели, потому что она — образ Божий, как Сам Бог, непреложна (прп. Нил Синайский, 73, 240).

...Вслед добродетели идти должно, пока не сойдем с поприща жизни (прп. Нил Синайский, 73, 242).

Всему предпочитай душу, и путь добродетели совершится тогда без труда (прп. Нил Синайский, 73, 247).

Носи на себе образ добродетели, но не для того, чтобы обмануть видящих тебя, а чтобы принести им пользу (прп. Нил Синайский, 73, 250).

Как связанным трудно ходить, так и прилепившиеся к житейскому течению добродетели совершают нечисто (прп. Нил Синайский, 73, 252—253).

Блажен, кто украшает дела свои прежде, нежели явит их огонь, которым все искушается (прп. Нил Синайский, 73, 255).

Блажен, кто чист в добродетели и нелицемерен в душе; будет он судить мир, а не судим вместе с миром (прп. Нил Синайский, 73, 255).

...Не начало только добродетели положить надлежит, но и увенчать ее и привести к концу... (прп. Нил Синайский, 73, 289).

Добродетель в старости может быть названа не добродетелью, но бессилием. Посему в юности наипаче должно нам упражняться в добродетели, и в юном теле показывать благоразумие, приличное сединам (прп. Нил Синайский, 73, 329).

Правильное упражнение в добродетелях доставляет блаженство на Небесах, которого невозможно ни словом выразить, ни умом постигнуть, ни мыслию объять (прп. Нил Синайский, 73, 341).

...Если будешь не пристрастен к вещам, то удобно исполнишь всякую добродетель (прп. авва Зосима, 91, 126).

...Если бы и мы предварительно поседали в себе семена кротости и смирения и располагали к ним сердце

свое, то враг не имел бы места сеять в нем злые семена свои. Но как он находит нас пустыми без добрых помыслов, или даже более того, самих себя разжигающими на худое, то берет отсюда поводы наполнять нас своим злом. При любви же к добродетели бывает совершенно противное сему, ибо тогда Господь, видя, как душа жаждет спастись и как усердно возделывает в себе добрые семена, ради сего благого произволения ее, исполняет ее Своими дарами (прп. авва Зосима, 91, 128).

...Решающийся творить добродетели, не должен думать, что тотчас преуспеет в них, потому что это невозможно... (прп. авва Зосима, 91, 130).

...Для всякой добродетели потребны и труд и время... особенно же потребно для нее содействие Божие (прп. авва Зосима, 91, 130).

...Сила для желающих стяжать добродетели заключается в том, чтобы не малодушествовать, когда случится пасть, но снова воспринимать ревность и труд о том же (прп. авва Зосима, 91, 130).

Начало всякой добродетели есть Бог, как и дневного света — солнце (прп. Марк Подвижник, 68, 11).

Всякий порок оканчивается непозволенным наслаждением, и всякая добродетель — духовным утешением (прп. Марк Подвижник, 69, 12).

Не полагай приобрести добродетель без скорби, ибо находящийся в покое неопытен (прп. Марк Подвижник, 69, 13).

Человек, сколько может, старается (делать добро) по своей воле; Бог же устроит исполнение сего сообразно со Своею правдою (прп. Марк Подвижник, 69, 14).

...Всякая добродетель, совершаемая до смерти, есть... удаление от греха; удаление же от греха есть дело естества, а не цена Царствия (прп. Марк Подвижник, 69, 30).

И молитва называется добродетелью, хотя она есть мать добродетелей, ибо рождает их от соединения своего со Христом (прп. Марк Подвижник, 69, 31).

Сколько бы мы ни приумножили добродетель сегодня, сие служит лишь обличением нашего прежнего нерадения, а не вина к получению воздаяния (прп. Марк Подвижник, 69, 32).

Великая добродетель — терпеть постигающее нас и, по слову Господню, любить ближнего, который нас ненавидит (прп. Марк Подвижник, 69, 32).

Когда ум забудет цель благочестия, тогда и явное исполнение добродетели становится бесполезным (прп. Марк Подвижник, 69, 33).

Кто со страхом Божиим вразумляет и наставляет согрешающего (в чем-либо), тот приобретает себе добродетель, противоположную греху (прп. Марк Подвижник, 69, 48).

Оставивший дела и удовольствовавшийся одним знанием вместо обоюдоострого меча держит тростниковую трость, которая во время брани, по Писанию (см.: Ис. 36, 6), поранит руку его и, вонзившись в нее, волеет прежде врагов яд надмения (прп. Марк Подвижник, 89, 527).

Пока умом совершенно не выйдем из обычного прилепления к существу нас самих и ко всему, что после Бога, мы не приобретаем неизменности в добродетели. Когда же любовью достигнем сего достоинства, тогда познаем силу Божия обетования, ибо достойные должны верить, что там непоколебимое утверждение, где сперва ум любовью утвердит свою силу. Ибо не испедаши из себя и из всего,

что возможно помыслить, и не установив себя в молчании, которое превыше мышления, ум не может быть свободен от изменяемости (свойственной) всему (прп. Марк Подвижник, 89, 539).

Делающий добро и ищущий воздаяния не Богу работает, а своему хотению (прп. Марк Подвижник, 89, 543).

Не радуйся, когда сделаешь кому добро, но когда без злопамятства перенесешь последующее за тем сопротивление (от облагодетельствованного). Ибо как ночи следуют за днями, так и зло за добром (прп. Марк Подвижник, 89, 573).

Дух Святой в самом начале преуспевания, если человек горячо возлюбит добродетель Божию, дает душе полным чувством и удостоверительно вкусить сладости Божией, чтобы ум точно и определительно познал, сколь велик плод боголюбивых трудов; но потом надолго скрывает богатство сего животворного дара, чтобы мы, хотя во всех преуспеях добродетелях, думали о себе, что мы ничто, потому что не видим в себе, чтоб святая любовь обратилась у нас в постоянный нрав (блж. Диадок, 91, 64).

Путь добродетели для начинающих любить благочестие кажется жестоким и призрачным не потому, чтобы он был сам по себе таков, но потому, что человеческое естество с самого исхода из чрева матери привыкает жить пространно в удовольствиях; а для тех, которые успели пройти уже до середины его, он является весь благим и отрадным, ибо когда недобрые стремления наши бывают подавлены добрыми навыками, тогда вместе с сим исче-

зает и самая память о бессловесных удовольствиях, вследствие чего душа уже со всем удовольствием шествует по всем стезям добродетелей. Посему Господь, выводя нас на путь спасения, говорит, что *тесен* и прискорбен *путь*, *вводящий в живот*, и *мало тех*, кои идут им (ср.: Мф. 7, 14); к тем же, кои со всем рвением желают приступить к хранению святых Его заповедей, говорит Он: *ибо бо Мое благо, и время Мое легко есть* (Мф. 11, 30). Предлежит убо нам в начале подвига нашего, насилуемую некоею волею исполнять святые заповеди Божии, чтобы Благой Господь, увидев доброе намерение наше и труд, даровал нам готовность и вольную волю, с удовольствием прочее покорствовать преславным Его волениям: от *Господа бо уготовляется хотение* (ср.: Притч. 8, 35). После чего начнем уже мы с великою радостью совершать непрестанно благое; и тогда воистину восчувствуем, что *Бог есть действующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении* (ср.: Флп. 2, 13) (блж. Диадок, 91, 67).

Подобает убо тем, кои предают себя стяжанию добродетелей, ни славы не желать, ни собеседования со многими не искать, ни частыми выходами и прогулками не пользоваться, ни поносить кого-либо, хотя бы кто и достоин был поношения, ни многословить, хотя бы могли говорить одно хорошее, ибо многословие безмерно рассеивает ум и не только к духовному деланию делает его неспособным, но и передает в руки беса уныния, который, малопомалу расслабив его, передает потом его бесу безмерной печали, а наконец и бесу гнева. Почему должно всегда упражнять ум в соблюдении святых заповедей и в глубоком памятовании славы Господа (блж. Диадок, 91, 70).

...Чтобы положить основание добродетели, лучше всего человеку держать себя в устранении от дел житейских и

пребывать в законе света стезей правых и святых... (прп. Исаак Сирин, 58, 9).

В человеке, которого ум утружден заботою о преходящем, добродетель не пробуждает помысла к тому, чтобы возлюбить ее и взыскать обладания ею (прп. Исаак Сирин, 58, 13).

Ненасытимость души в приобретении добродетели обращает в свою пользу часть видимых вожделений сопряженного с нею тела (прп. Исаак Сирин, 58, 14).

Не тот любитель добродетели, кто с борением делает добро, но тот, кто с радостью приемлет последующие за тем бедствия (прп. Исаак Сирин, 58, 18).

...Как скоро душа делается беспечною к делам добродетели, непременно увлекается в противное тому (прп. Исаак Сирин, 58, 19).

Если делаешь что для добродетели и для души, то не заботься о суетном (прп. Исаак Сирин, 58, 19—20).

...Основание всех добродетелей — пост, бдение, бодрствование в службе Божией, в распинании тела целый день и целую ночь... (прп. Исаак Сирин, 58, 96).

Если будешь трудиться в прекрасной добродетели и не

почувствуешь, что вкушаешь от нее наслаждение, то не дивись. Ибо, пока не смирится человек, не получает награды за свое делание (прп. Исаак Сирин, 58, 154).

Добродетель есть мать печали <по Богу>, а от печали рождается смирение, а смирению дается благодать (прп. Исаак Сирин, 58, 154).

Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости (прп. Исаак Сирин, 58, 155).

...Добродетелью не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела (прп. Исаак Сирин, 58, 222).

...Прежде всех добродетелей — пренебрежение покоем (прп. Исаак Сирин, 58, 228).

...Если не будешь приуготовлен к сретению искушений, то удержишься от делания добродетелей (прп. Исаак Сирин, 58, 291).

Всякую добродетель, совершенную без телесного труда, почитай преждевременным и неодушевленным плодом чрева (прп. Исаак Сирин, 58, 313).

Никто не видит солнца во мраке, и добродетели — в естестве души при продолжающемся мятеже страстей (прп. Исаак Сирин, 58, 363).

Телесная добродетель в безмолвии очищает тело от вещественного в нем... (прп. Исаак Сирин, 58, 386).

...Добродетель ума смиряет душу и очищает ее от грубых губительных мыслей, чтобы не ими занималась она страстно, но паче пребывала в созерцании своем (прп. Исаак Сирин, 58, 386).

...Если кто хочет приобрести добродетель, то он не должен быть нерадивым и рассеянным (прп. авва Дорофей, 29, 116).

...Как в добродетели, так и в пороке, от частого в оных упражнения, душа получает некоторый навык, и потом этот навык или мучит, или покоит ее (прп. авва Дорофей, 29, 133).

...Должны мы потрудиться не только изгнать страсти, но и воспринять добродетели и водворить их на своем месте, потому что мы естественно имеем добродетели, данные нам от Бога (прп. авва Дорофей, 29, 143—144).

...Каждую добродетель человек должен совершать так разумно, чтобы усвоить ее себе и обратить в навык, и (таковой) оказывается... искусным художником, зодчим, могущим прочно строить свой дом (прп. авва Дорофей, 29, 162).

...Человек (сам собою) не может ни приобрести добродетели, ни сделать что-нибудь благое... хотя бы он стал

стараться о сем, по страху Божию, но ничто не совершается без помощи Божией; итак, непременно нужны и наше старание, и помощь Божия. Поэтому человек всегда должен молиться Богу и просить Его помочь ему и спешествовать ему во всяком деле (прп. авва Дорофей, 29, 187—188).

Ко всем... добродетелям прилипает тщеславие, как некий... колдурий <мазь> или, вернее сказать, отрава (прп. Иоанн Лествичник, 57, 86).

Добродетели, будучи связаны одна с другою, произволяющего возводят на небо... (прп. Иоанн Лествичник, 57, 94).

...Что касается до чистоты, безгневия, смиренномудрия, молитвы, бдения, поста, и всегдашнего умиления, то сии добродетели выше естества. Некоторым из них научили нас люди, другим Ангелы, а иных учитель и дарователь есть Сам Бог-Слово (прп. Иоанн Лествичник, 57, 187).

Есть добродетели, и есть матери добродетелей. Разумный подвизается наиболее о приобретении матерей. Матерям добродетелей учитель Сам Бог собственным действием; а для научения дочерям наставников много (прп. Иоанн Лествичник, 57, 201).

Все сотворенные существа получили от Создателя чин бытия и начало, а для некоторых и конец предназначен, но добродетели конец беспределен (прп. Иоанн Лествичник, 57, 203).

Блажен, кто столько ревностен к добродетелям, сколько ревнивы мужья, лишающие себя сна от ревности к своим супругам (прп. Иоанн Лествичник, 57, 247).

Как телесные добродетели привлекают славу от людей, так духовные — от Бога (авва Фалассий, 91, 314).

Добродетель и ведение рождает бессмертие; оскудение же их соделалось матерью смерти (авва Фалассий, 91, 315).

Сила души — навык в добродетели... (авва Фалассий, 91, 332).

Не почитай малым лишение добродетели; через это смерть вошла в мир (авва Фалассий, 91, 336).

Мзду за подвиги в добродетели составляют бесстрашие и ведение. Ибо они виновниками бывают для нас Царствия Небесного, как страсти и неведение — муки вечной. И потому ищущий их <добродетелей> ради славы человеческой, а не ради того, что они добро суть, слышит от Писания: *просите, и не приемлете, зане зле просите* (Иак. 4, 3) (прп. Максим Исповедник, 91, 184).

Из добродетелей иные суть телесные, а иные — душевные. Телесные суть: пост, бдение, спание на голой земле, служение, рукоделие, чтобы не быть в тягость другим, или для подаяния и прочее. А душевные суть: любовь, вели-

*Св. мученицы Вера, Надежда,
Любовь и матерь их София.*

кодушие, кротость, воздержание, молитва и прочее. Итак, если случится, что по какой-либо нужде, или состоянию телесному, например по болезни или по другой подобной причине, мы не сможем исполнить... телесных добродетелей, то имеем снисходительное прощение от Господа, ведущего и причины тому; не исполняя же добродетелей душевных, никакого не будем иметь извинения, ибо они не подлежат таковым препятствиям (прп. Максим Исповедник, 91, 187—188).

...<Бог> тех, кои добре совершили весь путь добродетелей, в непорочном течении деятельной жизни своей, вводит в область ведения и как Свет показывает им пресветлые сокровища премудрости. Один и тот же Он есть и Путь, и Дверь, и Ключ, и Царствие... (прп. Максим Исповедник, 91, 243).

Для добродетели благотворно подвизаться среди бо-

лезненных трудов, ибо в таком случае она благодушно все претерпевающим в награду приносит бесстрашие души, по коему душа, любовью соединяясь с Богом, отторгается расположением от плоти и мира. Измождение тела есть укрепление души (прп. Максим Исповедник, 91, 250).

Пока не исторглись мы умом до чистоты из природы своей и всего, что есть после Бога, дотоле не можем считать себя стяжавшими неизменный навывк к добродетели (прп. Максим Исповедник, 91, 253).

...Воспомяная о безмерной глубине нашего чрез грехи падения, да не неверуем в возможность восстания умерщвленной в нас добродетели (прп. Максим Исповедник, 91, 258).

Тому, кто деятельно проходит жизнь, Господь присущ посредством добродетелей, а от того, кто ни во что ставит добродетель, Он <отстывает>... (прп. Максим Исповедник, 91, 260).

...Всякий прославляющий Бога в себе страданиями изза добродетели в деятельной своей жизни, и сам в Боге прославляется чрез бесстрастное озарение Божественными лучами в состоянии созерцания (прп. Максим Исповедник, 91, 261).

Кто... сохранит путь добродетели непокривленным... тот будет уразумевать бывающее ему ради бесстрастия посещение Божие... (прп. Максим Исповедник, 91, 266).

Бог, создавший человеческое естество, вместе с дарованием ему, по воле Своей, бытия, сочетал с ним и силу исполнять достодолжное... (прп. Максим Исповедник, 91, 283).

Бог именуется и бывает Отцом по благодати только тех, которые о своем благодатном от Бога в духе рождении свидетельствуют добродетельными нравами. В сих нравах видится как бы лицо души, отображающее в добродетелях явные черты родившего ее Бога; и имеющие их располагают взирающих на них прославлять Бога, представляя свою жизнь для подражания как изряднейший образец добродетели. Ибо не голыми словами прославляется обыкновенно Бог, но делами правды, много паче слов провозглашающими о Божеском велелепии (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

Без веры, надежды и любви, как из худого ничто вконец не истребляется, так и из доброго ничто совершенно не устанавливается в нас (прп. Максим Исповедник, 91, 286).

Благорасположение к добродетели есть лицо умозрительствующего ума, как на небо, подъемлемое на высоту истинного ведения (прп. Максим Исповедник, 91, 293).

Блажен, кто воистину сознал, что Бог в нас, как в органах, совершает всякое дело и созерцание, добродетель и ведение, победу и мудрость, доброту и истину... (прп. Максим Исповедник, 91, 293).

Пользующий своими добродетелями других и возбуждающий в них стремительность к духовному деланию есть солнце лучезарное, златоблестящее и согревающее всю полноту братства (прп. Феодор Студит, 92, 33).

Устремитесь к заповедям Божиим, сейте семена добродетелей в сердца ваши, чтобы, в свое время, пожать плоды правды (прп. Феодор Студит, 92, 69).

Бог определяет цену дел, смотря на произволение делающего (прп. Феодор Студит, 92, 70).

...Кто мало-помалу исправляет должное должным образом, тот восходит на высшие степени добродетели... (прп. Феодор Студит, 92, 73).

...Обогащайте души ваши добродетелями, как залог Царствия Небесного... (прп. Феодор Студит, 92, 169).

Кто желает превзойти других в добродетели, да повергает себя таковой в помышлении своем ниже всех... (прп. Феодор Студит, 92, 212).

...У того, кто, восходя путем добродетели, прилепится вниманием к утехам земным, омрачается око душевное (прп. Феодор Студит, 92, 303).

Будем же... и мы благоухать благоуханием духовным,

которое и уготовим в себе сочетанием всяких добродетелей, как некий искусный мироварец (прп. Феодор Студит, 92, 442).

...Где есть мирное устроение и чистота сердца, кротость и безмолвие, там царство добродетели... (прп. Феодор Студит, 92, 568).

Добродетель есть дело приснодвижное, никогда не останавливающееся в своем поступании в предняя, но всегда причастников своих влекущее к совершеннейшему (прп. Феодор Студит, 92, 601).

Есть две добродетели, созидающие спасение человека: вера и любовь (прп. Феодор Студит, 92, 611).

...Иная добродетель такова, что не превышает естества и справедливо называется естественною; иная же воздействует от первого источника добра, и как превышающая естественные наши силы и состояние, должна прилично именоваться сверхъестественною <...>

Сверхъестественной добродетели нельзя стяжать, не стяжав прежде добродетели естественной... (свт. Феодор Едесский, 91, 349).

...В соблюдении заповедей состоит деятельная добродетель, которая есть начало созерцания... (свт. Феодор Едесский, 91, 357).

Не можешь ты добре видеть лик добродетели, пока с услаждением еще представляешь вид греха (прп. Илия Екдик, 91, 469).

<Опора добродетели> — смиренномудрие... без смирения добродетельный не бывает благоплоден (прп. Илия Екдик, 91, 471).

Нрав благой свидетельствует о красоте добродетели... (прп. Илия Екдик, 91, 471).

Начало деятельной добродетели — воздержание и смирение, истина и целомудрие; конец же ее — мир помыслов и святая чистота тела (прп. Илия Екдик, 91, 479).

...Добродетель собственно не что иное есть, как исполнение воли Божией, как и все любители истинной мудрости, учителя и проповедники пришествия Христова и веры в Него говорят, что добродетель собственно есть то, чтобы всякий человек, верующий во Христа, творил только волю Божию, а в отношении к благам настоящей жизни был как мертвый; так, чтобы только в делах по исполнению велений Божиих и познаваем он был живым, и в этом только кругу обнаруживал движение и энергию. Это и есть признак, что душа жива (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 47—48).

...Надлежит нам и то знать, что Бог, Всеблагий и Человеколюбивый, не от всех добродетелей обнаженным оставил человеческое естество по падении; почему и среди самых неверных народов проявляются некоторые естественные добрые качества, и иные являют кротость, другие сердоболие, те любовь, а эти другие какие-либо душевные доброты. Сделал это Всеблагий Бог для того, чтобы человеческое естество не всякого лишено было пособия, но чтобы в этом имеемом находило помощь к стяжанию и

того, чего в нем недостает. Однакож никак не возможно, чтобы некрещеный достиг когда-либо совершенства добродетелей (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 140).

...Поелику некоторые христиане забывают о таинстве благодати Всесвятаго Духа, полученной ими во Святом крещении, имеют впрочем... некоторые естественные добродетели в помощь и пособие недугующему естеству, но, не помня о полученной ими благодати, не стараются с помощью сей Божественной благодати Всесвятаго Духа стяжать и прочие добродетели, которых не имеют, а довольствуются одними от естества получаемыми добродетелями, гордятся ими и презирают тех, которые их не имеют, не обращая внимания на те, которые те имеют, и которых они сами не имеют, то благоутробный и человеколюбивый Бог не дает таковым горделивым благодати на стяжание и прочих добродетелей, да не впадут в суд диавола. Ибо если они не возьмут добродетелей, то осудятся как недобродетельные; а если стяжут их благодатию Всесвятаго Духа и возгордятся, яко самодобродетельные, и хвалиться ими станут, как бы не свыше от Бога получили их, а имели их... от своих трудов и усилий, то осуждены будут вместе с диаволом. Почему всякий добродетельный христианин, яко сокрушенный и смиренный, так да верует, что благодать Всесвятаго Духа живет в нем и совершает все добродетели, а не он сам. Таковой воистину есть и праведно именуется духовным человеком, поскольку вседействует в нем Дух Святой... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 140—141).

Все добродетели хороши, но надобно, чтоб они имели и голову и ноги, подобно телу; и как телу нельзя быть без головы и ног, так и им. Ноги добродетели — смиренномудрие, а голова — любовь. И всякая добродетель, которая бывает без смирения и любви, бесполезна есть и тщетна. Совокупность добродетелей можно еще уподобить

колонне, которой основанием служит смиренномудрие и верхом (капителью) — любовь, которая есть престол Божий. Под любовью находятся благоутробие, сострадание, милосивость, щедродательность, незлобие, великодушие, благотворительность и человеколюбие, которые вместе с нею человека делают богом по благодати. Окрест же смиренномудрия стоят послушание, терпение, признание человеческой немощи, благодарение Богу за все, все почитая благодеянием, коим Он благодетельствует нам, т. е. и десное и шее, славу и бесчестие, здоровье и болезнь, богатство и бедность, и прочее. Там же, где есть благодарение, есть и зрение Бога, а кто зрит красоту Божию, как возможно, чтобы он не возлюбил Самого Бога, всякую красоту и доброту превосходящего, Источник всякой доброты? Кто же любит Бога, тот строго исполняет заповеди Его, из коих первую, после любви к Богу, стоит, да любим друг друга, и та первая не бывает без сей второй... Таким образом и смиренномудрие востекает к любви и блюдет ее, и любовь содержит смиренномудрие и утверждает его. Смиренномудрие... есть как бы ноги, которые носят и главу и все тело; а любовь есть как бы престол Херувимский, носящий Бога, восседающего на нем, ибо на ней почивает Бог... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 206—207).

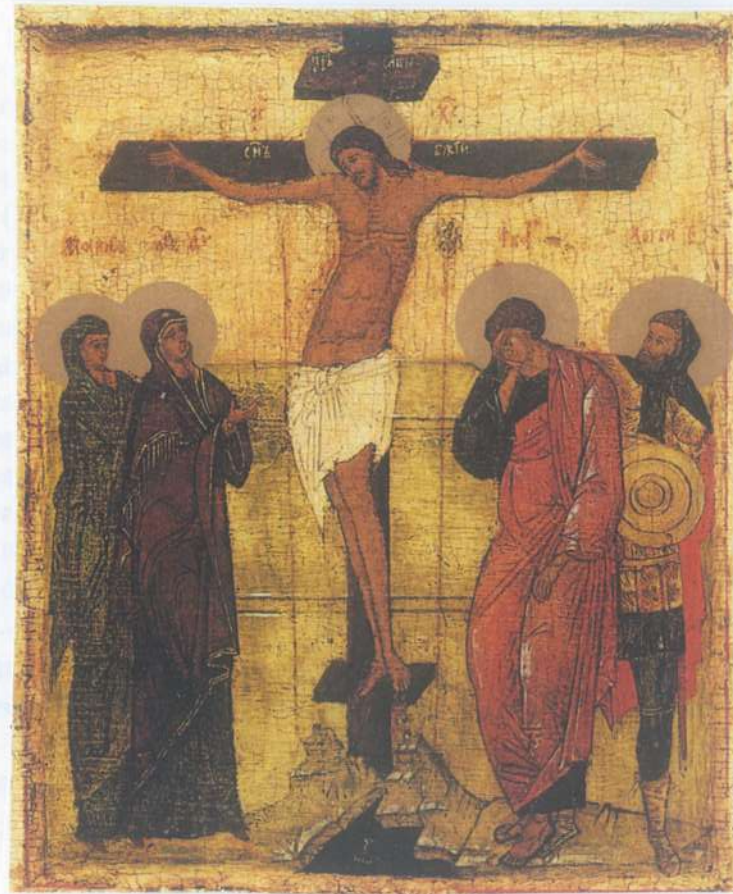
Всякий должен положить предел и норму для себя и для жизни своей, чтобы верно знать, как действовать каждодневно и при изменяющихся обстоятельствах, и таким образом беспрепятственно теши в делании добродетелей, не встречая препон в самой неопытности своей. Кто поступит таким образом (т. е. все определит разумными правилами в своей жизни), тот скоро сделает стезю добродетелей, и стропотную и притрудную, ровною и легкоходною для себя, ибо привыкнет мало-помалу ко всем деланиям добродетелей, и доброе обратится ему в привычку, и станет как бы естественным чем. Преспевая таким образом в

дobre и... восходя от меньшей доброты все к большей и большей, совершеннейшей и совершеннейшей, явится он угодным Богу, и, в совершенстве постигнув и уразумев все сказанное выше, соделается для многих других учителем добродетели, просвещая их и научая и словом и примером жизни своей, — и, как сам просвещен свыше благодатию Святаго Духа, открывая глубины тайн духовной жизни всем взыскиующим того с любовью и рвением, — силою и содействием Господа нашего Иисуса Христа... (прп. Симеон Новый Богослов, 76, 355).

...Как нет совершенно никакой пользы тому, кто идет во тьме, держать в руках много не зажженных, хотя исправных, светильников, потому что и с ними он все же не может видеть ни себя самого, ни другого кого, так и тот, кто думает, что имеет в себе все добродетели (если это возможно), но не имеет света Всесвятаго Духа, не может ни видеть хорошо и как подобает дела свои, ни вполне удостовериться, что они угодны Богу; не может также он других руководить и указывать им, в чем для них воля Божия; недостоин он и принимать чужие помыслы и исповедывать других, пока не стяжет света Святаго Духа, который бы светил внутри его (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 68).

...По мере своего преуспеяния в добродетелях изменяются и душевные силы... <человека> и действия — и он делается мужественнейшим и сильнейшим в исполнении заповедей Христовых... (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 133).

...Кто проходит некоторые добродетели и трудится в них, не получит никакой от того пользы без... святого и

*Распятие. 1512 г.
Ефрем Требес. Из монастыря вчч. Никиты.*

блаженного сокрушения — госпожи и творительницы всех добродетелей (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 270).

...Воистину, если кто не предаст себя на заклание, как овча, за каждую даже малейшую добродетель, и не прольет крови своей за нее, тот не стяжет ее никогда (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 359).

...Посмотрим, какие и каковы суть обиталища добродетелей, за которые всякий должен пролить кровь свою, чтоб стяжать их? — Первое такое обиталище есть блаженное смирение, как сказал Христос Господь: *блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3). Желаящий войти в сие обиталище смирения, а чрез него и в Царство Небесное, — если не предаст себя прежде на заклятие, как овча, связанное по рукам и ногам, и на принесение себя в жертву руками всякого, кто захотел бы заклать его, и если не умрет совершенною смертью, чрез умерщвление воли своей, — никогда не войдет в него и не стяжет его. Если же этого не стяжет, не стяжет и никакого другого. Ибо тому, кто оставит эту добродетель, невозможно будет успеть ни в какой другой. Господь положил, чтобы добродетели следовали одна за другою в своем порядке и постепенно. Представь в уме своем, что добродетели в жизни людей являются, как некие острова посреди моря, отделенные один от другого водою, но соединенные посредством мостов и состоящие таким образом во взаимной связи. Первая из этих добродетелей есть блаженное смирение, в которое вошедший западною дверью посредством покаяния и пробывший в нем довольно время, выходит восточную дверью и, перешедши затем чрез мост, вступает в обиталище плача, а после того, как пробудет и там довольно времени, омоется, очистится и облечется в благообразие плача, перебегает и оттуда в жаждалище и алкалище правды, т. е. в алчбу и жажду всякой добродетели. Потом идет он в палату милости и благоутробия и, перешедши чрез нее, или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обретает царскую сокровищницу чистоты, в которую вступив, узревает невидимого Царя Славы, сидящего внутри его. Палата эта есть тело, царская сокровищница — душа, с которою, когда соединится Бог ради исполнения заповедей Его, делает ее всю Божественным светом и богом чрез единение с Собою и благодатью Своею. И только всякий проходящий означенным путем добродетелей приходит в сие боголепное состояние. Всту-

пить в это шествие с другой стороны или, минуя то или другое обиталище, искусственным неким способом перебраться в дальнейшее совершенно невозможно. Именно так, как сказано, определил входить в Царство Небесное Владыка Христос, и быть сему иначе никак не возможно. Если пределы моря пребывают неподвижными и морю нет возможности выступить из них, не тем ли паче сохранится неподвижным и неизменным то, чему быть так, а не иначе определил Господь в деле нашего спасения? (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 359—361).

Как невозможно стоять дому без основания, так невозможно... добродетелям быть твердыми, если они не имеют в основании своем смирения. Если оно не будет прежде положено в основание или, быв положено, будет потом похищено духами злобы, тотчас все здание добродетелей, назданное с такими потоками и трудами, падает долу и уничтожается (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 450).

...Всякое доброе дело, бывающее по заповеди Божией, называется добродетелью. Но как в житейском быту, земледелец, обрабатывающий землю и сеющий семена, трудится только, а чтоб семена проросли и дали плод, сие есть дар Божий: так бывает и в духовном порядке — делать добрые дела и сеять семена добродетелей с трудом и подвигом многим есть наше дело, но чтобы Бог оросил сие дождем благодати Своей и Своего человеколюбия, и сделал бесплодную землю сердца нашего плодоносною, сие есть дар и милость единого Бога. Он Божественною благодатию орошает семя слова, посеянного в сердцах наших, проращивает его и возвращает, да будет в древо великое, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 464).

...Всякое дело, которое делается для того, чтоб или помешать злу и уничтожить его, или помочь добру и добродетели и защитить их, похвально и богоугодно (прп. Симеон Новый Богослов, 77, 468).

Когда приобретены бывают... добродетели <милость и вера>, тогда, как в светильник, полный елее и пакли, Владыка ввергает огонь, которого мир не видел и не может видеть (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 16).

...Душа одна не может делать добра; но и тело, если оно совершает дела без Божественного ведения, не лучше рабочего вола или вьючного животного (прп. Симеон Новый Богослов, 78, 37).

...Когда мы творим добродетели без соприсутствия... <кротости, смирения и любви к ближним>, тогда всякое наше делание суетно и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен (прп. Никита Стифат, 93, 97).

Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь великих от Бога сподобляется даров (прп. Никита Стифат, 93, 135).

Тогда думай, что имеешь истинную добродетель, когда совершенно ни во что поставишь все, сущее на земли, всегда имея в сердце с чистою совестью готовность переселиться ко Господу (прп. Феогност, 91, 377).

Порождением истинной добродетели бывает или ведение, или бесстрашие, или то и другое вместе. Почему если бы кто тщетно стал искать в нас этого, то было бы не ложно, что добродетель наша есть только кажущаяся добродетель, а не истинная. Ибо если бы она не была такою, то была бы богата и плодами, а не одними листьями. Таким образом, побуждаемый на добро или человекоугодием, или самоугодием, или другим чем, неугодным Богу, лжив и не боголюбив. Но если мы исправим побудительную причину, то несомненно достигнем совершенства в истинной добродетели, которая, в свое время и в должной мере, принесет нам и ведение, и бесстрашие благодатью Всеблагого Бога нашего (прп. Феогност, 91, 388).

...Есть добродетели, большие других добродетелей, как объемлющие и совмещающие в себе очень многие, или даже и все добродетели, каковы — божественная любовь, смирение и божественное терпение (прп. Григорий Синаит, 93, 195).

...<Добродетели> сами в себе существенны, мы же только приблизительно подходим к ним, образуясь по ним нравственно (прп. Григорий Синаит, 93, 198).

Изучить и познать силу, действие и качество, свойственное каждой добродетели и страсти, есть достояние не всякого хотящего, а только того, кто делом все испытал и от Духа Святаго дарование получил к распознаванию и различению их (прп. Григорий Синаит, 93, 198).

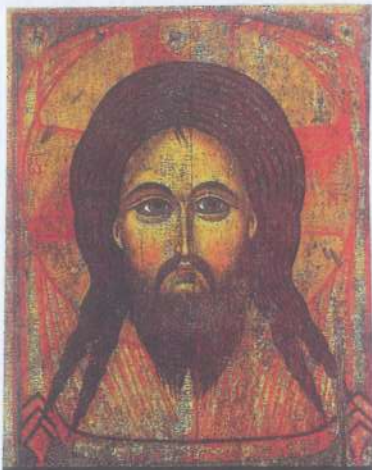
Очень немногими духовное существенно <добродетели>

усвояется, прежде будущего вкушения того, неизменного. Наибольшая же часть из нас только подобия некие имеет добродетелей, а не само существо их (прп. Григорий Синаит, 93, 198).

Лучшее же и кратчайшее руководительное для желающих жить, как следует, правило есть — соблюдать следующие три всеобъемлющие делания добродетелей: пост, бдение и молитву, коими подается надежнейшая твердость всем добродетелям (прп. Григорий Синаит, 93, 201).

Должно понимать и называть добрыми делами действия по заповедям, а добродетелями — укоренившиеся навыком добрые расположения (прп. Григорий Синаит, 93, 204).

Начало и источник добродетелей есть благое произволение, или желание добра, как Бог есть причина и источник всякого блага. Добра же начало есть вера, паче же Христос, Камень веры, Коего имеем мы началом и основанием всех добродетелей, в Коем стоим и созидаем всякое дело благое. Он есть краеугольный Камень, связую-

Спас Нерукотворный. Ярославль. ГТГ. XIII в.

щий нас с Собою и Бисер многоценный, Которого ища, во глубину безмолвия входящий инок продает все желания свои послушанию заповедям, чтобы через это стяжать Его (прп. Григорий Синаит, 93, 213).

Опыты добродетелей, своим тщанием и усилием совершаемых, не дают душе совершенной благонадежности, если они не будут в существенное обращены сердечное расположение благодатью. Каждая из них имеет особое дарование и свое, ей свойственное, действие, и когда дарована будет, оттоле сохраняется неизменною и непреложною. Ибо сподобившиеся сего имеют в членах своих, как душу живую, благодать, чтобы совершать их. Без благодати же весь сонм добродетелей обыкновенно бывает мертв, и в тех, кои по-видимому имеют их, или и делом исполняют, одна тень их и призрак представляется, а не подлинный лик (прп. Григорий Синаит, 93, 214).

От всех добродетелей подобает, подобно пчеле, собирать полезнейшее, и таким образом всех помалу причащаясь, уготовлять великий склад делания добродетелей, из коих образуется мед премудрости на обрадование душ (прп. Григорий Синаит, 93, 218).

...Добродетель — это дело людей, но гордость — свойство бесов; посему <гордый>... делает добродетели бесполезными, и гордыня, сопряженная с добродетелями, сводит их на нет, даже если бы они и были истинными, а тем более — если они фальшивы (свт. Григорий Палама, 26, 26).

Как если бы ты положил основание и поставил стены,

а не наложил бы крышу, этим всю работу сделал бы бесполезной, так и если ты стяжал бы все добродетели, но при этом не стяжал любви, то этим все оные добродетели ты сделал бы бесполезными и напрасными; но — и кровля дома не может быть наложена без наличия поддерживающих ее снизу стен (свт. Григорий Палама, 26, 51).

...Трудясь ныне в добродетели, мы, конечно, достигнем обетованного упокоения в будущем веке. Потому что верен Обещавший, Который является и готовым Помощником для тех, которые с готовностью вступили в подвиг добродетели, а при помощи Его, Сильного во всем, может ли быть что-либо неуспешным?! Но когда, приняв это на ум, мы усердно отважимся на дела добродетели, тогда оный лукавый, знающий, что добро не есть добро, если не совершается добрым образом, старается совратить нас, чтобы не с богоугодной целью мы совершали делание добра, именно — движимые желанием восхвалить Бога, но ради того, чтобы видели люди, дабы таким образом лишиться нас воздаяния от Бога и духовных и небесных даров. Мы же и сие его тщание покажем неосуществимым, поразмыслив, с одной стороны, о величии благ, уготованных для богоугодно живущих, а с другой стороны, о незначительности людской славы, не только сравнимой с будущим величием славы от Бога, но и не стоящей лишения и изнурения плоти.

Но и после такой победы над ним этот началозлобный подкапывается к нам, всеми способами внушая нам гордость, как конечную и злейшую трясицу, и убеждая нас надмеваться, как будто бы собственной силою и знанием мы совершали добродетель. Но мы будем памятовать Самую Истину, говорящую, что *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); и таким образом избегнем многовидных ухищрений лукавого, действуя правильным образом и совершая добро в подобающем смирении, зная, что как если кто, храня в сосуде драгоценное миро, выльет его в сор или же сор бросит в сосуд с миром, то одина-

ково приведет миро в негодность и уничтожит его, так и в отношении добродетели, если кто презрит ее безделием или примешает к совершению ее порчу... так или иначе, приведет ее в негодность и умертвит (свт. Григорий Палама, 26, 68—69).

Истина и твердое верование, согласующееся с богоносными отцами нашими, являются конечной целью Божественных догматов и усиленного труда над ними и богомыслия. Но для деятельной добродетели это не есть предел, а лучше сказать — начало, которое, если не сочетается с соответствующим концом, станет причиной еще большего осуждения для навлекшего его на себя. *Ведевый волю господина своего, говорится, и не сотворивый, биен будет много* (ср.: Лк. 12, 47). Таким образом, для понятия деятельной добродетели не довлеет разумение ее и истина, но деятельное добро представляет конец ее (свт. Григорий Палама, 26, 89).

...Как при свете солнца мы восхваляем не воздух, участвующий в сиянии, но — солнце, обладающее светом и подающее озарение его... Так и в отношении человека, являющего добродетельными делами сияние Солнца Правды, ибо такой человек, как только становится замеченным, возвышает людей к славословию Небесного Отца, Солнца Правды — Христа (свт. Григорий Палама, 26, 102).

...Быть может, ты скажешь, что добро трудноисполнимо и что добродетели более тяжки, чем злые дела. Я не смотрю так, ибо больше неприятностей переносит от самого себя пьяница, нежели воздержный, и распутник, нежели целомудренный; алчущий богатства, нежели живущий тем, что есть; и желающий приобрести себе славу, нежели тот, кто проводит время в неизвестности. Но так как, из-за нашей любви к наслаждениям, добродетели кажутся

нам более тяжелыми, чем злые дела, то будем удерживать самих себя: *Царство Небесное силою берется, говорит Господь, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12) (свт. Григорий Палама, 26, 146).

...Покажи мне веру от дел твоих (Иак. 2, 18), и у кого нет наличия их, тот, будучи, конечно, далек от Церкви Христовой и предав всего себя суете, имеет свою веру мертвой, или лучше сказать — не имеет никакой веры, сам вследствие греха став мертвецом (свт. Григорий Палама, 26, 184).

...Воздай славу Христу — Наставнику и Содетелю добродетелей, без Коего, как научены, не можем мы сделать ничего хорошего (свт. Григорий Палама, 93, 288).

...Все они <добродетели> одно тело устрояют, — именно то, что обожают человека, искренно в них живущего... (патр. Каллист и ин. Игнатий, 93, 313).

...Во-первых... не следуй, брате, в стяжании добродетелей примеру тех, которые в продолжение семи дней недели свои духовные делания распределяют так, чтобы одно служило для одной добродетели, другое — для другой, и т. д., не принимая во внимание, нужно ли для них то или другое в настоящее время. Нет, не так следует тебе действовать, но вооружайся преимущественно против той страсти, которая наиболее тебе докучает, не раз уже одолевала тебя и готовится снова напасть на тебя; вооружаясь же против нее, сколько сил есть старайся установиться в той добродетели, которая противоположна сей страсти, употребляя все, пригодные к тому делания и подвиги. Ибо

коль скоро успеешь в этом, то вместе с тем оживишь в себе и все другие добродетели и облечешься в них, как в броню, которая будет ограждать тебя от всех стрел страстных. Сердце наше по естеству полно добрых расположений, но приходят страсти и подавляют их. Страсти эти не у всех равно все, но у одного преимущественно одна, у другого — другая... Коль скоро ты прогонишь сию глав-

...и не оставят сами собой, когда же это совершится, добрые расположения, высвободясь из-под гнета, воспримут в тебе свойственную им силу, и всегда будут наготове, стоя у дверей сердца твоего, чтоб явиться на услужение тебе, коль скоро это потребует.

Во-вторых: на стяжание добродетелей не назначай определенного времени, ни дней, ни недель, ни месяцев, ни годов, говоря в себе: «потружусь, а там отдохну, чтоб, отдохнувши, опять взяться за тот же труд». Нет, отдыха здесь не полагается. Уготовься на непрерывный труд, подвиг и борение, не допуская и мысли о послаблении их, подражая святому Павлу, который говорит о себе: *теку, — гоню, аще и постигну, — со усердием гоню* (ср.: 1 Кор. 9, 26; Флп. 3, 12—14). Остановиться на пути добродетели для отдыха не значит набираться новыми силами, а растрачивать приобретенные и расслабляться, а это то же, что возвращаться вспять или что разорять с трудом устроенное. Под «остановиться» я разумею — возмечтав, что добродетель приобретена уже в совершенстве, не обращать внимания на недостающее в ней и пропускать представляющиеся случаи к деланию добра. Не будь таков, а будь всегда бодрен и ретив. Не смежай очей, и не отворачивайся, когда встречаешь такие случаи, а, напротив, высматривай их и стремись к ним. С любовью взирай на них — все, особенно же на те, которые представляют какие-либо затруднения к совершению в них добра. Напряжение сил для устранения препон к сделанию добра скорее водворяет в нас навык к добродетели и глубже внедряет в сердце корни ее. Только тех случаев, которые, давая повод проявить добродетель целомудрия, подверга-

ют однакож опасности возгореться похотью нечистою, всевозможно избегай. Лучше не допускать до членов своих сего огня, чтоб не обжечься и не сгореть.

В-третьих: будь мудр и рассудителен в подняттии телесных подвигов — постов, бдений, трудовых работ и подобное. Они существенно необходимы, и без них не мечтай преуспеть в духовной жизни, но и в них знай и держи мудрую меру. Мера сия — середина между самоугодливою поблажкой плоти и безжалостным измождением ее до изнеможения без крайней к тому нужды. Средину сию ищи опытом и делом, а не теорией, и в правило при сем возьми постепенность, идя снизу кверху. Ищи и обрящешь. Что же касается до внутренних, душевных добродетелей, как то: любви к Богу, презрения мира, самоуничтожения, отвращения от страстей и греха, терпения и кротости, мира со всеми, даже ненавидящими и обижающими, и подобное, то тут не требуется никакая определенная мера, и постепенность их совершенствования сама собой определяется там внутри. Твое дело: непрестанно и всеильно нуди себя на всякое требуемое ими дело и совершай его всегда без отлагания и медлительности. В этом вся твоя мудрость и сила.

В-четвертых: но среди такого действования всем помыслом помышляй, всем желанием желай, и всем сердцем ищи одного того, чтоб победить ту страсть, с которою теперь борешься, и которая теперь тебя борет, и на место ее восставить в силе ту добродетель, которая ей противоположна и ею в настоящее время подавлена. Это одно да будет для тебя — весь мир, все небо и земля, все сокровище твое и последняя твоя цель, в уверенности, что этим одним ты достойно можешь благоугодить Богу. Ешь ли или постничаешь, трудишься или отдыхаешь, спишь или бодрствуешь, дома ли сидишь или находишься вне его, молитвенным ли делом занят или житейским поделием, все это ля будет в тебя направляемо к тому одному, чтоб преодолеть возжегшуюся страсть и восставить прогнанную сла добродетель... Как на войне видимой иной раз случается вступать в схватку с отрядом, где командует сам главно-

командующий, а иной раз с таким, которым управляет простой офицер, так бывает и в духовной брани: не всегда борет главная страсть, иной раз она вместо себя выставляет своих пособниц, и с этими в иное время приходится чаще иметь дело, чем с тою. Но одерживать победу и в этих случаях лежит на тебе долг не меньше, чем в первом.

В-пятых: будь непримиримый враг всех земных утех и удовольствий чувственных, порожденных самоугодием и его питающих. Чрез это легче и реже будешь ты подвергаться нападениям не только плотских, но и всех вообще страстей, ибо все они коренятся в самоугодии, с подавлением и отсечением которого они, не имея под собой почвы, теряют свою силу, твердость и устойчивость. Не соблазняйся помыслом: приму участие в одном удовольствии, вкушу одной сласти. Ибо пусть это будет не грешное что-либо, но как оно допустится по одному самоугодию, то во время этого себе послабления подымут голову все страсти и зашевелятся, как придавленные черви, когда полить их водой, — и не дивно, что иная между ними возгорится с такою силой, что борьба с нею будет жестока и победа над ней сомнительна <...>

В-шестых: наконец, последний даю тебе совет: весьма душеполезно или, лучше сказать, совершенно необходимо тебе прежде всего сделать генеральную исповедь, со всем достоюльственным вниманием и со всеми потребными при сем деланиями, рассматриваниями и решениями, чтоб чрез эту душу твою преисполнило полное удостоверение, что ты стоишь во благодати Бога, единого Подателя всех духовных дарований, добродетелей и побед (прп. Никодим Святоторец, 70, 148—152).

Хотя истинный воин Христов, всем сердцем возжелавший полноты совершенства, не должен никаких полагать пределов своему стремлению к преуспеянию во всем; однакож ему необходимо рассуждением умерять и добре направлять чрезмерные порывы рвения духовного. Такие порывы, особенно в начале, обыкновенно вдруг возгораются с великою силой и влекут неудержимо, а потом

слабеют, слабеют и совсем угасают, оставляя нас беспомощными среди пути. Ибо не только внешние — телесные добродетели следует стяжевать мало-помалу, восходя в них, как бы по ступеням, но и в стяжании внутренних — душевных добродетелей надлежит соблюдать свой чин и порядок, так как только при этом малое наше скоро делается большим и устанавливается на всегдашнее в нас пребывание. Так, например, в стяжании внутренней добродетели терпения нельзя тебе вдруг возделывать напраслин, обид и всяких других неприятностей, порываться на них и радоваться им, хотя можешь терпеливо переносить их, когда встречаются, потому что такое возделение и такая радость суть высшие степени терпения, до вступления на которые тебе надлежит пройти низшие, кои суть: смиренное самоуничтожение, считающее себя заслужившим всякие оскорбления; подавление позывов к отмщению — возненавидение всякой мысли об отмщении, и подобные.

Советую тебе также, не берись вдруг за все добродетели, и даже за несколько их, но установись прежде в одной, а потом переходи и к другой. При таком образе действия всякий добродетельный навык удобнее и прочнее укоренится в душе. Ибо когда станешь упражняться непрестанно преимущественно в одной добродетели, то и память твоя все будет занята почти одною ею, и ум твой, будучи чрез то прикован к помышлению о ней, скорее утончится в изыскании случаев и способов к совершению ее, и воля твоя охотнее прилепится к ней с большим расположением; а все это в деле стяжания добродетельных навыков суть сильные споспешествования, которых тщетно будешь ты ожидать, если зараз прострешь ся ко многим добродетелям.

С другой стороны, и самые деяния одной и той же добродетели, будучи одновидны и сходны между собой, по причине сей одинаковости образа действия, становятся все менее и менее притрудными и скорее препровождают к другой. Ибо обыкновенно одна добродетель вызывает другую, подобную ей, и помогает ей тем самым, что, установившись в сердце, предрасполагает его к принятию

своей подобницы, уготовляя наперед там для нее как бы престол для воссестия.

Этот, высказанный мной, расчет верен и истинен, и мы по опыту знаем, что кто добре и всеусердно упражняется в одной добродетели, тот вместе с тем не только научается наперед, как упражняться и в другой, но с умножением навыка в ней возбуждает, растит и крепит и все другие добродетели, по причине нераздельности их между собой; ибо они все суть лучи, исходящие от одного и того же Божественного света (прп. Никодим Святогорец, 70, 152—154).

Для стяжания добродетелей требуется душа мужественная и великая, и воля не какая-нибудь слабая и вялая, но решительная и сильная, с верным предзрением многих препятствий и тяжелых трудов и с готовностью все их поднять и перенести. В основе таких расположений должны лежать крепкое возлюбление каждой добродетели и всей добродетельной жизни, и пламенная о том ревность...

Итак, не ленись возгревать свою ревность о добродетели, с сердечным участием размышляя, как благоугодна Богу добродетельная жизнь, как прекрасна и высока добродетель сама по себе, и как для нас она необходима и благотворна, ибо в ней начало и конец истинного нашего совершенства и преуспевания в нем (прп. Никодим Святогорец, 70, 154—155).

...Каждое утро со всем вниманием старайся рассмотреть и предусмотреть, какие случаи вероятно представятся могут в продолжение дня для совершения того или другого доброго дела, прилагая к тому и желание и решение непременно так поступить; а вечером поиспытай себя, исполнены ли и как исполнены утренние твои добрые помышления и желания; затем в следующее утро возобнови опять те же намерения и желания, с живейшею ревностью и желанием исполнить их в точности.

Все же сие старайся направлять к упражнению в той добродетели, в которой навязать положил ты в настоящее время. Равным образом и примеры святых, и молитвы, и размышления о жизни и страданиях Христа Господа, и все другое, что почитается пригодным и необходимым для преуспевания в добродетелях и в духовной жизни, должно быть у тебя направляемо преимущественно к той добродетели, которою ты занят. Но и всеми случайностями дня, как они ни разнообразны, старайся пользоваться сколько возможно так, чтобы чрез это не только не расстраивался, но, напротив, более устанавливался и укоренялся навик к той добродетели, о которой ты теперь особенно ревнуешь.

Пределом такого навыка да будет — дойти до того, чтобы добродетельные деяния, внешние ли то или внутренние совершаемые были с такою же легкостью и готовностью, с какими прежде были делаемы дела, противные им, или лучше, с какими обыкновенно исполняются естественные потребности нашего естества; а это то же, что довести навик в добродетелях до того, чтоб они соделались в нас как бы естественными. При этом... чем больше встретится внутренних или внешних препятствий к стяжанию какой-либо добродетели, тем скорее и тем глубже внедрится она в нашу душу, если с полною решительностью и без саможаления будем устремляться на преодоление их (прп. Никодим Святогорец, 70, 155—156).

Пригодные речения Божественного Писания, если проносить их гласно, или хоть только в уме, дивную ока-

зывают силу к впечатлению в уме образа искомой добродетели и к возбуждению в сердце расположения к ней, а то и другое какую великую подают помощь ревнующему о стяжании ее! Подыщи же такие места Писания об искомой тобой добродетели и заучи их, чтоб они были у тебя всегда наготове, и затем как можно чаще повторяй их себе в уме, особенно когда придет в движение противоположная ей страсть (прп. Никодим Святогорец, 70, 156).

В деле стяжания добродетелей необходимо действовать так, чтобы всегда *простирались в предняя* (ср.: Флп. 3, 13), если желаем скоро и успешно достигнуть предположенной нами цели. Ибо как только остановимся, хоть на короткое время, тотчас подадимся назад, потому что за этим пресечением добрых деяний по нерадению и послаблению себе, страсти, подавляемые усердным трудом в доброделании, по склонности нашей к чувственности и самоугодию тотчас подымут голову, оживут и возбудят бесчинные свои движения и стремления, особенно когда при этом поспособствует им внешняя наша обстановка, а такие движения всегда расстроивают и ослабляют добрые навыки и, что особенно губительно, лишают благотворного осенения благодати, без которой ничто истинно доброе и духовное благоспетися не может (прп. Никодим Святогорец, 70, 157—158).

...Лучше заботиться о том, чтобы всегда простирались в предняя в добродетели, нежели о том, чтобы высматривать и определять признаки совершенства в ней (прп. Никодим Святогорец, 70, 171).

Глава добродетелей — молитва; их основание — пост (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 133).

Все евангельские добродетели несвойственны падшему естеству; ко всем подвижник должен принуждать себя; все должен испросить у Бога смиренною, соединенною с сердечным плачем молитвою (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 475—476).

Охраняя наши добродетели от повреждения похвалами человеческими, мы должны охранять их и от живущего в нас зла... не увлекаться помыслами и мечтаниями тщеславными... (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 512—513).

Душа, богатая евангельскими добродетелями, глубже и глубже погружается в смирение, и в глубинах этого моря находит драгоценные перлы: дары Духа (свт. Игнатий Брянчанинов, 38, 540).

Сколько дух выше тела, столько добродетель, совершаемая духом, возвышеннее добродетели, совершаемой телом... (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 207).

Ни одна добродетель не может состояться без терпения; добродетель, чтобы пребыть добродетелью, нуждается в терпении (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 434).

Без цены, без малейшей цены добродетели человеческие! Они заимствуют цену от веры в Искупителя, когда они — выражение этой веры, — исполнение воли Искупителя! (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 466).

Может человек совершать душевные добродетели собственными силами, а добродетели духовные в человеке —

дар в нем Милосердного Бога, подающего этот дар нищим духом, алчущим и жаждущим правды Христовой (свт. Игнатий Брянчанинов, 41, 526).

Молитва рождает добродетели от соединения духа человеческого с Духом Господа. Добродетели, рождающие молитву, различествуют от добродетелей, рождаемых молитвою: первые — душевны, вторые — духовны (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 93).

Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево, и войдешь в рай (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 269).

...Богоугодные добродетели истекают из повиновения Богу, сопровождаются смирением, а не разгорячением, не порывами, не самомнением и тщеславием... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 269—270).

Евангельское учение есть единственный источник всех истинных, христианских, богоугодных добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 270).

...Пост есть начальное орудие всех добродетелей (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 270).

Стяжи постоянное трезвение, постоянное бодрствование над собою. Без строгой бдительности невозможно преуспеть ни в одной добродетели... (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 417).

Без добродетели смирения не могут быть истинными и богоугодными все прочие добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 433).

...Сердце, возделанное скорбями, напоенное уничижением, особенно способно к возвышеннейшей добродетели (свт. Игнатий Брянчанинов, 42, 442).

...Все доброе наше от Бога приходит, но только когда ищем (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 81, 215).

В нас ведь Господь положил все добродетели. Они тотчас и просятся наружу, как только мы бываем в таком настроении, о коем есть поговорка: ныне он в духе... это то же, что готов на все доброе. А потом поднимается что-то внутри, налетает нечто сонное... И человек бывает неузнаваем. Но и это можно стряхнуть, как какую накидку... Когда живо и сильно ревнование о своем спасении, блюдите сию драгоценность, ибо она дороже всего мира (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 104).

Цель трудов монаха — стяжание подвижнических добродетелей, и внешних и внутренних, и телесных и духовных; цель стремления схимы — достижение или построение того, что на основании подвижнических добродетелей может быть достигнуто духовного, или построено. Сознание схимницы должно вступить в иную область духовную... а монах еще борется и бьется в обычной среде... Вот все такое — и подобное составляет разницу... но не в существе духа, а в степени... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 84, 110—111).

...Не должно останавливаться на одном доброделании, телом совершаемом, но надо воспитать в себе еще добрые чувства и расположения... (свт. Феофан, Затв. Вышенский, 88, 5).

Древнее масличное дерево в Гефсиманском саду. Святая земля.

В Гефсимании на святой горе Елеонской есть монастырь, называемый «монастырь аввы Авраамия». Его основал великий Авраамий, бывший после Евдоксия игуменом новой церкви Всехвальной Богородицы и Приснодевы Марии. В то время, когда настоятелем в монастыре был авва Иоанн из Кизика, пришли туда братья и спросили его:

— Как усовершенствоваться в добродетели?

— Кто бы ни пожелал стяжать добродетель, — отвечал он, — если прежде не возненавидит противный ей

порок, не может снискать ее. Желает ли получить дар слез — возненавидь сперва смех. Желает стать смиренным — возненавидь самопревозношение. Желает воздержания — возненавидь пресыщение. Желает ли стать целомудренным — должен возненавидеть сладострастие. Желает ли достигнуть бескорыстия — возненавидь все вещественное. Хочешь стать милостивым — возненавидь сребролюбие. Стремящийся к пустынножительству — разлюби города. Хочешь упражняться в молчании — возненавидь болтливость. Желает стать чуждым (всему мирскому) должен возненавидеть жизнь напоказ. Хочешь быть воздержным в гневе — возненавидь светскую жизнь. Ищешь ли непамятозлобия — возненавидь злословие. Не желает рассеяния мыслей — оставайся в уединении. Хочешь ли обуздать язык — загради уши свои, чтобы не слышать многого. Желает всегда пребывать в страхе Божиим должен будет ненавидеть телесный покой, возлюбить скорбь и тесноту — и таким образом получить возможность с чистым сердцем работать Богу (102, 178).

Апостол говорит: *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Что заповедует Апостол нам этими словами? Заповедует нам, братия, а наипаче вам, иноки, бесстрастие, т. е., для того чтобы достигнуть нравственного совершенства, мы должны бороться с самими собою и самих себя побеждать. Как достигнуть сего?

Святой Нил говорит: «Добродетели, приводящие человека к бесстрастию, следующие: воздержание, пост, молитва, жажда, бдение, всенощное стояние, частые коленопреклонения, удаление от всякой роскоши, строгая умеренность в пище, питье одной воды, сон на земле, нищета, нестяжание, смирение, трудолюбие, молчание, занятие рукоделием, всякое злострадание, борьба с плотью и удаление себя от всего того, что соблазняет, — и все это еще нужно дополнять особым смирением и благодарением Бо-

св. Апостол Тавер

гу». Вот добродетели, указываемые святым Нилом для достижения нами, и особенно иноками, бесстрастия. Что прибавить к сему? По нашему мнению, нужно еще иметь и постоянную брань с диаволом, и чтобы достигнуть победы над ним, прилежать и к трудолюбию. «Как котел, — говорит преподобный Пимен Великий, — когда кипит, тогда ни муха, ни другое какое-либо насекомое не смеют прикоснуться к нему; так и к иноку, к деланию монашескому прилежащему, враг рода человеческого не смеет приступать; кто же живет в небрежении и лени, того низлагает он без всякого труда. Так, иноки, трудом, молитвами, благими помыслами, смирением, борьбою с плотью и, особенно, страхом Божиим достигайте бесстрастия и, достигши его, будете сопричислены к тем рабам Христовым, *иже плоть свою распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24)» (112, 880—881).

Авва Пимен говорил: «Если трое живут в одном месте, и один из них хорошо безмолвствует; другой болен и благодарит Бога; третий служит им с чистым расположением, то все трое трудятся одинаково» (97, 196).

Авва Антоний говорил: «Кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему сделать: косу, меч или топор.

Так и мы наперед должны помышлять, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться» (97, 12).

Авва Пимен говорил: «Хранение себя, внимание к самому себе и рассудительность — вот три добродетели — путеводительницы души» (97, 197).

Авва Иоанн говорил: «Я желаю, чтобы человек, хотя в некоторой степени, имел все добродетели. Так каждый день, вставая утром, начинай соблюдать каждую добродетель и заповедь Божию в величайшем терпении, со страхом и великодушием, в любви к Богу, со всякою готовностью души и тела, с глубоким смирением, в терпении сердечной скорби, во бдении, в чистой молитве и молениях, с воздыханием, в чистоте языка и хранении очей. Если бесчестят тебя, не гневайся; будь миролюбив и не воздавай злом за зло; не смотри на падения других; не думай высоко о себе, когда ты ниже всякой твари; презирай все тленное и плотское; пребывай под крестом в подвиге, в духовном упражнении, в посте, в покаянии. Плачь, борись с искушениями, будь рассудителен, храни чистоту души, достойно причащайся, безмолвствуй за рукодельем, пребывай в ночных бдениях, в голоде и жажде, в холоде, в наготе и трудах. Закрой гроб твой, как бы ты уже умер, дабы тебе помнить, что каждый час смерть близка к тебе» (97, 108).

Один брат спросил авву Пимена: «Может ли человек уповать на одно доброе дело?» Старец отвечал ему: «Авва Иоанн Колов говорил: «Я желаю, хотя в некоторой степени, иметь все добродетели» (97, 198).

Он же (авва Пимен) говорил: «Когда человек намерен

110
111

строить дом, то собирает множество материалов и различного рода веществ, чтобы можно было ему поставить дом. Так и мы должны приобретать, хотя в некоторой степени, все добродетели» (97, 215).

Времени, сколько нужно упражняться в добродетели, чтобы установиться в ней, определить нельзя умозрительно. Это пусть уже всякий сам для себя полагает, судя по своему состоянию, своим обстоятельствам и своим успехам в духовной жизни, особенно же по рассуждению своего старца, или духовного отца, руководящего его. Впрочем, у кого ревность о преуспевании жива и он не останавливается ни перед какими трудностями и средствами, у того скоро обнаружится явно немалый успех (прп. Никодим Святгорец, 70, 167).

М. Сопляков. Спас на престоле

ВНИМАЙ СЕБЕ!

Рассказывают, что авва Антоний, будучи однажды приведен в недоумение глубиной домостроительства Божия (управления миром) и судов Божиих, помолился и сказал: «Господи! Отчего некоторые из человеков достигают старости и состояния немощи, другие умирают в детском возрасте и живут мало? Отчего одни бедны — другие богаты? Отчего тираны и злодеи благоденствуют и обилуют всеми земными благами, а праведные угнетаются напастями и нищетою?» Долго был он занят этим размышлением, и пришел к нему глас: «Антоний! Внимай себе и не подвергай твоему исследованию судеб Божиих, потому что это — душевредно.»

Необходимо подвижнику и каждому христианину отличить то, что предоставлено его пониманию, от того, что предоставлено лишь его созерцанию. Уму ограниченному не естественно понимать со всею удовлетворительностью действия ума неограниченного, ума Божия; тщетное усилие к пониманию и объяснению того, что превышает понимания, ведет единственно к заблуждениям, к богоульству, к ересям и безбожию.

слава Богу за все!
Аммиь